

ЯНА ЛАНСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОНА МОЯ

АРАБСКАЯ НЕВЕСТА

И ЗНАЙ, ЧТО КАЖДЫЙ БУДУЩИЙ МОМЕНТ,

18+

ОМАН

Яна Ланская

Она Моя. Арабская невеста

«Автор»

2026

Ланская Я.

Она Моя. Арабская невеста / Я. Ланская — «Автор»,
2026 — (ОМАН)

Вероятность встретить в Москве шейха крайне мала, но никогда не равна нулю. А вероятность забыть его абсолютно точно равна нулю. У нас было одно безумное свидание и моё легкомысленное «да». А потом решительное «нет» на предложение принять ислам и стать его женой. На прощание он произнёс: «Я хотел видеть вас подле себя. А вам оказалось достаточно быть подомной». Через два месяца я поняла, что хочу быть подле. Но он исчез. Удалил аккаунт. Пропал. А я даже его полного имени не помню. Говорят, если суждено — вернётся. Но я не привыкла ждать. Особенно когда на кону — любовь всей моей жизни. Первый том "Он мой. Арабское наваждение" Наш шейх не тиран. Здесь не будет гаремов, принуждения и похищений. Зато будет дерзкая героиня и инсайды с Ближнего востока Очень откровенно и эмоционально

© Ланская Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	45
Глава 16	50
Глава 17	55
Глава 18	59
Глава 19	61
Глава 20	64
Гл	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Яна Ланская

Она Моя. Арабская невеста

Глава 1

Я сижу в грузинском ресторане на Пальме Джумейра, пью кофе с кардамоном и думаю о том, как странно устроена жизнь.

Раньше я совсем не воспринимала этот город, а теперь пять лет постоянно приезжаю сюда. В целом он такой же бездушный, искусственный, пафосный, но теперь мне в Дубае нравится. Мне нравится здесь бродить по торговым центрам, нравится подглядывать за местными парами. Он весь в белом, торжественном, она в чёрном. Будто его тень. Несёт в себе тайну и загадку. Что скрывает её хиджаб? Только тело и красоту? Или мысли? Чувства? Желания? Душу?

Мне нравится азан. Этот протяжный, щемящий призыв к молитве, от которого у меня внутри всё переворачивается и мурашки разбегаются по всему телу. Нравятся белоснежные, воздушные мечети. Нравится всё, что хоть немного напоминает о нём.

Я делаю глоток кофе. Кардамон — теперь мой любимый вкус. Он был на его губах.

Пять лет. Я считала дни, потом месяцы, потом сбилась. Теперь просто живу с этим. С этой сладкой, ноющей болью где-то под рёбрами. Она стала частью меня. Как татуировка, которую не сведёшь. Вот так вот одно кратковременное знакомство может оставить глубокий след в душе.

Иногда мне кажется, что я справляюсь. Что я научилась дышать без него. Уверяю себя, что эта поездка в Дубай — просто бизнес, просто отдых, просто возможность развеяться.

А потом я захожу в лифт отеля, слышу арабскую речь, и у меня подкашиваются колени.

Или вижу мужчину в белой кандуре, и сердце замирает на секунду, пока не понимаю, что это не он.

Люблю заходить в парфюмерные лавки и слушать аромат благовоний, пытаюсь собрать из них его пирамиду. Пока не удалось...

Люблю смотреть на деток местных жителей. Пухленьких, смугленьких, кудрявых и представлять, какие бы могли быть у нас.

Я живу. Я работаю. Я даже смеюсь иногда. Но внутри всегда тоска по нему.

Официант приносит мне ещё кофе. Я смотрю в окно на бесконечные небоскрёбы и вспоминаю его слова о пророчестве. О том, что шейхи строят эти башни, чтобы кормить своё эго, а в это время их народ страдает. О том, что время начнёт бежать быстрее. Это правда, я практически и не заметила, как пролетели эти пять лет. О том, что нравственности практически не останется.

Я теперь понимаю его лучше. Правда, уже слишком поздно.

Замечаю, что в ресторане начинается какая-то суматоха. Официанты суетятся, менеджер выбегает встречать гостей. Я не обращаю на это внимания, пока не слышу:

— Мистер Асад, добро пожаловать!

Я забываю, как дышать. Боюсь повернуться.

Набравшись смелости, медленно, очень медленно оборачиваюсь.

Это Халид. Он заходит в ресторан. Не один...

С ним женщина в никабе, только её глаза открыты. Кажется, светлые. Он не изменяет себе...

Мне до боли хочется увидеть её, разглядеть. Узнать какая у него женщина, как её зовут. Хоть что-то понять для себя. Почему она, а не я?

Их усаживают за столик рядом со мной. Я сижу к нему спиной. Он буквально в двух метрах от меня.

Я чувствую его запах.

Тот самый. Дурмящий, животный, родной. Запах, который я хранила в своей памяти пять лет. Который снился мне ночами. Который я искала в каждой восточной лавке, в каждом парфюмерном магазине.

Он здесь. Поверить не могу...

Он в двух метрах от меня!

Он не знает, что я здесь. Всевышний снова нас столкнул в одном месте, только теперь мы не разминулись.

Я должна что-то сделать. Повернуться. Заговорить. Просто встать и уйти, цокая каблуками, чтобы он узнал мою походку. Я уверена, он узнает.

Но я сижу. Как парализованная.

Зачем он пришёл в грузинский ресторан? Он тоже помнит?

Я подзываю официанта.

— Вы не могли бы мне сказать, что заказали за тот столик? — киваю в сторону Асада.

— Хачапури по-аджарски и цыплёнка чкмерули, — отвечает мне официант-грузин с улыбкой. — Хотите тоже самое?

У меня внутри всё обрывается. Это мои блюда! Те, что я обещала ему приготовить. Те, что он никогда не пробовал, потому что мы расстались раньше, чем я успела его угостить.

— Нет, спасибо! Принесите мне счёт, — говорю я. — И когда будете подавать, обязательно громко скажите: «Ваш счёт, госпожа Гулуа». Хорошо?

Официант кивает, но смотрит на меня подозрительно. Наверное, думает, что я слегка сумасшедшая. Не слегка...

Пока меня рассчитывают, не могу успокоиться и нервно тереблю свои украшения.

Официант приносит мне счёт, громко называет меня по имени. Я выжидаю.

— Тамара, Вам всё понравилось? — Уточняет молодой человек, хотя я его и не просила, и я ему радостно киваю. Молодец.

Неторопливо расплачиваюсь, оставляю щедрые чаевые и готовлю себя.

Встаю. Каблуки цокают по мраморному полу. Бёдра покачиваются, нарочно, вызывающе, как тогда во Внуково-3.

Иду к выходу. Медленно. Слишком медленно. Каждый шаг для меня — вечность.

Он должен меня узнать. Должен почувствовать. Должен вскочить и побежать за мной.

Я выхожу на улицу. Дубайская жара обжигает, хотя уже вечер. Достаю сигарету, разумеется, кокосовую. Закуриваю. Жду.

Минута. Две. Пять.

Он не выходит.

Отчаиваюсь и заглядываю в окна ресторана. Он сидит и не сводит глаз со своей жены. Нежно обхватывает её лицо ладонями, точно так же, как когда-то обхватывал моё лицо. Целует её пальцы.

Я смотрю на них и не могу оторваться. Как он смотрит на неё! С той же нежностью. С тем же обожанием. С тем же голодом.

Закусываю изнутри щёки, чтобы сдержаться, и понимаю, что она украла мою жизнь! Моего мужчину! Моего Асада!

Нет... Я сама отдала. Сама.

Я для него — ничто теперь. Пустое место. Воспоминание, которое стёрлось.

Он больше не мой.

Я отворачиваюсь и ухожу. В никуда. В пустоту. В эту дубайскую ночь, которая горит огнями, и чувствую внутри расплзающуюся страшную тьму.

Я просыпаюсь.

Рывком, с криком, с бешено колотящимся сердцем. Сажусь на кровати, хватаю ртом воздух, и горячие слёзы текут по щекам.

До меня медленно доходит, что это был сон. Всего лишь сон.

Никакие пять лет не прошли. Я не страдала всё это время. Он не женился на другой. Ничего этого нет.

Я в Москве, у себя дома. Сегодня утро после папиного дня рождения. Вчера я слушала Стинга в такси и плакала, а потом танцевала под арабское техно всю ночь.

Я жива. И он жив. И пока мы живы — всё можно исправить.

Я сама ему это говорила.

Вытираю слёзы, глубоко дышу. Встаю, иду на кухню, наливаю себе воды. Снимаю телефон с зарядки.

У меня больше нет сомнений, он мне нужен. Никакая девушка его у меня не крала. Он не мог забыть меня так быстро. Я уверена. В моём сне была я. В белом откровенном платье с глубоким разрезом — та, что из-за своей глупости его потеряла. В чёрном — та, что его выбрала.

Захожу в телеграм. Ввожу его ник и ничего. Пусто. Пытаюсь найти наш чат, бесконечно листаю ленту, прокручиваю в начало сентября. Тогда мы ещё были вместе.

И наконец вижу.

«Удалённый аккаунт».

Всё. Нет ни его, ни нашей переписки, ни фотографий, ни голосовых. Только пустота и серый значок.

Я смотрю на экран. Потом разочарованно в окно. Потом снова на экран.

Он удалил аккаунт и оставил мне лишь одно сообщение.

Mr. Asad: «Детка! Скажи, что ты передумала! И сон станет явью».

Я передумала, но, похоже, поздно... И сон действительно станет явью...

Глава 2

Слёзы капают на экран телефона, и я никак не могу их остановить. Даже не пытаюсь. Губа дрожит, пальцы трясутся, а я пытаюсь найти новый профиль мистера Асада. Но его прежний ник никем не занят, а все остальные похожие явно принадлежат другим людям.

Стыд, сожаление, боль прорываются из самых глубин моей души. Всё, что я так старательно заталкивала поглубже последние шесть недель, накрывает с головой.

Ночью я сгорала от любви и упивалась этим чувством, сейчас же подкатывает отчаяние.

Я захожу в поисковик и рандомно ввожу его имя. Пытаюсь вспомнить полное, но никак не могу сосредоточиться и добыть из глубин своего подсознания момент нашего знакомства.

Ввожу Халид Салладин Асад, и Яндекс выдаёт мне лишь информацию о великом арабском полководце, который завоевал Иерусалим. Предлагает посмотреть мне «Царство небесное» и изредка подсовывает статьи о сирийском президенте.

Пытаюсь вспомнить его фамилию, но ничего не подходит. Листаю страницу за страницей и вижу правильное арабское имя завоевателя. Салах ад-Дин! Точно! Алладин-Салах ад-Дин!

Вбиваю заново, но мне выскакивают точно такие же страницы.

Так! Нужно больше конкретики.

Вбиваю повторно имя и пишу «Лондон». Опять все страницы про полководца. Листаю и нахожу одну из Английской википедии. Открываю и хлопаю в ладоши.

Не Асад он! Асадаллах!

Страница посвящена какому-то афганскому деятелю, но у меня всё больше крупниц. Осталось вспомнить фамилию.

А если вбить его колледж?

Ввожу заново, и выпадают страницы с выпускниками. Одни сплошные арабские принцы прошлого века, окончившие данное учебное заведение.

Глаза начинают болеть, страницы плывут, ругаюсь на свой айпад и отшвыриваю его на противоположный край дивана.

Злая вскакиваю и бегу в ванную, умываюсь ледяной водой. Смотрю на себя в зеркало — опухшая, красная и жалкая. Тамара Гиоргиевна, ну и видок...

Быстро одеваюсь, влезая в свободные джинсы, натягиваю свитер, беру пуховик, ничего не подбирая. Надо скорее выйти на свежий воздух, проветриться и с новыми силами приступить к поискам.

— Трэвис, гулять! — кричу собаке, хватаю ключи и вылетаю на улицу.

Москва встречает промозглым холодом. Ноябрь вошёл в свои права. Серое небо, серые лица, серая вода в Москве-реке. Всё под стать моей душе.

Иду вдоль набережной. Ветер пробирает до костей, задувает под куртку, морозит спину. А мне хорошо. Так и должно быть. Когда внутри шторм, снаружи не может быть солнца.

Шесть недель. Я думала, что это время было таким тяжёлым из-за всего, что я увидела. Из-за того, что открыла глаза на мир по-новому. Узнала его жестокость, ужасы, несправедливость, которые раньше предпочитала не замечать. Взглянула на мировую историю под другим углом. Думала, что это взросление, что это нормально. Считала, что это кризис четверти века.

А сейчас, шагая под этим ледяным ветром, понимаю: дело не в этом. Точнее, не только в этом.

Дело в том, что его нет рядом.

Я скучаю не по его лицу, хотя и по нему тоже, чёрт возьми, скучаю. Не по его телу, не по его голосу, не по его смеху.

Я скучаю по его душе.

По его уму, по тому, как он рассказывал об истории, о политике, о пророчествах. По его юмору, по его дурацким «чёрт возьми» и «сейчас узнаю». По его глубине, по тому, как он рассказывал мне о религии. Не навязчиво, а так, что хотелось слушать и слушать. Узнавать. И я узнаю. Каждый день узнаю, вот только поделиться с ним не могу. Скучаю по его искренней озабоченности проблемами других людей, по его доброте, по эмпатии, которую он даже не пытался скрывать.

По тому, как он заботился о кошках. По тому, как переживал за свой народ. По тому, как смотрел на меня, будто я — целая вселенная.

Он хотел, чтобы я всё это с ним поделилась. Чтобы была рядом. Чтобы мы вместе несли эту ношу, вместе переживали и вместе радовались. А я... Я хотела легкости. Хотела просто быть с ним, без сложностей, без обязательств, без этой глубины, которая пугала меня до дрожи.

Его душа была основой. Я это знала. Чувствовала. Но пыталась всё упростить, свести к физике и химии. Думала, что так будет проще. Что так мы сможем быть вместе, не проваливаясь в эту пугающую серьёзность.

А он ждал, что я шагну в его мир. Полностью. Без оглядки.

И я не шагнула.

Я останавливаюсь посреди набережной, смотрю на серую воду и чувствую, как внутри поднимается что-то новое. Не боль. Не отчаяние. Решимость.

Найти его во что бы то ни стало.

Трэвис уже весь продрог, беру его на руки и перехожу дорогу, скрываясь от ветра с реки.

Захожу в первую попавшуюся кофейню. Я здесь никогда не была, хотя она и совсем недалеко от дома. Тёплый воздух обдаёт лицо, пахнет корицей и ванилью. Сажусь за столик у окна и жду официантку.

Аппетита нет, поэтому заказываю себе раф без сахара, просто чтобы согреться.

— А у нас новое арабское меню, — официантка кладёт передо мной вкладьш с орнаментами, и я усмехаюсь. Всевышний слишком явно мне сегодня намекает на мою ошибку. — Хотите что-то попробовать? Раф дубайский шоколад?

— Нет, спасибо. Я не люблю сиропы.

— Может, арабский кофе с кардамоном? — не сдаётся она. — Финики с маслом и сублимированной розой?

Замираю. Кофе с кардамоном! Совсем как в моём сне.

— Очень хочу, — говорю тихо и киваю, как болванчик.

Через несколько минут я делаю первый глоток и чувствую, как по телу разливается тепло. Этот привкус... Вот он. Тот самый. Который я помнила всё это время. Сон не врал!

И вдруг меня осеняет.

Достаю телефон. Захожу в запрещённую сеть и нахожу страницу его друга — популярного рэпера Фары. Возможно, он меня помнит.

Пишу ему в директ, хотя надежды почти нет.

«Просто Фёдор, здравствуйте! Это Тамара Гулуа. Смею надеяться, что Вы не забыли наше знакомство на террасе ЖК «Долина Сетунь». Фёдор, мне очень нужен контакт Асада».

Отправляю и смотрю на экран.

У него миллионы подписчиков. Он получает тысячи сообщений в день. Какова вероятность, что он прочтёт моё сообщение?

А какова была вероятность выпить кофе из сна в первой попавшейся кофейне?

Допиваю терпкий напиток со вкусом губ Халида, не сводя глаз с дисплея. Ответа нет. Конечно.

Ладно. Надо использовать все шансы. Все.

Захожу в его подписки и начинаю листать вниз. Глаза начинают плыть, и я понимаю, что это нереально.

Наверняка существуют какие-то боты, которые могут за меня это сделать. Пишу своему лучшему другу-айтишнику, что мне нужен бот по сортировке подписчиков, и сразу же звоню своему тур-агенту.

— Зоя, привет, дорогая! — мой голос звучит бодрее, чем я себя чувствую. — Нет-нет, мне не нужна бронь в Куршевель на Новый год. Мне нужна виза в Великобританию. Срочно!

Зоя что-то тараторит про документы, про сроки, про то, что сейчас всё сложно. Я киваю и записываю в заметки всё, что нужно.

Я знаю парк, в котором он гуляет со своей собакой каждое утро и вечер. Я его найду!

Вызываю такси к папе в офис. Быстро завожу Трэвиса домой, беру трудовую книжку и вылетаю из квартиры.

Пока еду, прокручиваю в голове план. Мне нужна его служба безопасности и отдел кадров. Без официального трудоустройства визу можно и не получить, а тянуть время нельзя. Каждый день без него — пытка.

Захожу в офис и чувствую, как атмосфера мгновенно меняется. Секретарши начинают суетиться, кто-то бежит открывать дверь в переговорку, кто-то предлагает кофе. Мой статус здесь работает безотказно.

— Тамара Георгиевна, проходите, — щебечет девушка на ресепшене. — Я сейчас позову начальника службы безопасности и главу кадрового отдела. Они будут через минуту.

Киваю и прохожу в переговорную. Стекланные стены, длинный стол, кожаные кресла. Всё строго, дорого, по-взрослому.

Сажусь, достаю телефон, листаю заметки с документами. И вдруг дверь открывается.

Заходит моя старшая сестра — Нана.

— Тома, — кивает она сухо. — Мне сказали, ты здесь. Привет!

— Привет! — отвечаю так же сдержанно.

Повисает неловкая пауза. Мы смотрим друг на друга, и я понимаю, что между нами столько недосказанного, что словами это не исправить.

— Тебе что-то нужно? — спрашивает она, облокотившись на край стола. Явно готова убежать в любую секунду.

— Мне нужна виза в Великобританию, — говорю прямо. — Очень срочно. Надеюсь, что меня смогут здесь оперативно трудоустроить.

— Хорошо. Я сейчас распоряжусь, всё быстро сделают. — Нана кивает, и её лицо смягчается. — Извини, Тома, мне нужно бежать. Иск новый. Дело непростое.

Разворачивается и направляется к двери.

И тут меня осеняет.

Аста! Она же говорила мне тогда, на балконе, что один из друзей Асада — сын известного адвоката.

— Нана! — окликаю я её.

Сестра оборачивается.

— Какая фамилия у самого известного адвоката в Москве? Вот прям самого топового?

— Добровинский? — Нана морщит лоб.

— Нет, не то. Тоже яркая, звучная фамилия. Но не то.

— Кучерена?

— Нет, — качаю головой. — Что-то другое... Такая запоминающаяся, а у меня совершенно из головы вылетело.

— Раппопорт? — вдруг говорит Нана.

— Да! — восклицаю я. — Точно! Раппопорт! Спасибо, Нануль!

Нана смотрит на меня с недоумением, но ничего не спрашивает. Кивает и выходит.

Остаюсь в переговорке с бешено колотящимся сердцем.

Платон Раппопорт! Я вспомнила!

Всё, Халид. Теперь ты от меня не спрячешься.

Ликуя, вбиваю в браузер имя его друга и снова неудача. Нет никакого Платона Раппорта!

Глава 3

Просыпаюсь от навязчивого звонка телефона. Морщусь, пытаюсь найти источник раздражения и скорее отключить его. Открываю глаза и обнаруживаю себя на кресле в гостиной. Айпад на коленях. Шея затекла, виски болят так, будто у меня в голове кто-то всю ночь лезгинку отплясывал.

В комнате светло — уже день. За окном гнетущая серость, усугубляющая моё уныние.

Перевожу взгляд на диван. Стас дрыхнет с раскрытым ноутбуком, на клавиатуре которого пристроился Трэвис и довольно посыпавает. На журнальном столике — горы коробок из-под роллов, пустые бутылки от колы, разбросанные листы с записями. Ну и деятельность мы тут развернули...

Воспоминания возвращаются урывками. Мы со Стасом до пяти утра пытались найти неуловимого мистера Асада. Он даже создал бота и отсортировал не только все подписки Фары, но и всех подписчиков. Миллионы! Тщетно. Никакого Асада. Никакого Халида. Никакого льва Аллаха.

Пустота. Как будто я просто выдумала своего прекрасного Алладина.

Трогаю веки, они опухшие, налитые слезами. Вспоминаю, как ночью рыдала Стасу в плечо, когда мы поняли, что всё бесполезно. А он, чтобы меня хоть немного разрядить, пошутил: «Короче, не существует твоего арабика. Мираж, Томусик!»

Телефон продолжает звонить. Я смотрю на экран сквозь пелену, но глаза не фокусируются. Провожу пальцем, промахиваюсь. Ещё раз. Снова мимо.

Встаю, пошатываясь, иду к окну, распахиваю створку. Холодный ноябрьский воздух бьёт в лицо, вышибая остатки сна.

На втором звонке отвечаю.

— ТАМАРРРРА! — Я подпрыгиваю на месте от папиного рыка.

— Да, Георги Леванович! — отвечаю максимально бодро, хотя голос звучит как у больной.

Стас на диване шевелится, зевает. Я делаю ему страшные глаза и прикладываю палец к губам. Он понимающе кивает и замирает, делая вид, что спит.

— Это что за новости, позволь узнать? — папа не скрывает возмущения. — Это такой подарок на день рождения ты мне подготовила? Томусик, ради всего святого, зачем тебе этот араб?!

Ну просила же сэбэшников ничего папе не докладывать...

— Вы нашли его? — восклицаю я. С папой позже разберусь, главное — результат.

— Нет, — жёстко отрезает папа. — И не собираюсь! Мы с мамой голову ломаем, что с ребёнком происходит! А ей, оказывается, араб какой-то голову вскружил и бросил! Ты себя где нашла? Что за мужчиной бегаешь? Ты моя дочь или чья, Тамара?

Плюхаюсь на диван и закатываю глаза к потолку. Стас приоткрывает глаза и показывает мне большой палец — типа, держись.

— Папуль! Что за ерунда? Вообще не понимаю, о чём ты!

— Всё ты понимаешь! — рявкает папа. — Тома, кто он? Что сделал? Найду и за одно место подвешу!

Зажимаю рот, чтобы не заржать, в красках представляя подвешенную дубину Асада. Стас смотрит на меня с дивана и беззвучно ржёт, слыша всё через фoniaщий динамик, уткнувшись лицом в подушку.

Продолжаю давиться от смеха, а мозг тем временем лихорадочно перебирает варианты. Нельзя давать папе никакой информации. Совсем.

Мелькает мысль сказать, что Асад меня развёл и кинул на деньги. Тогда его найдут к вечеру. Но как потом его оправдывать, если у нас всё получится? Нет, не вариант. Да и вообще, как найдут? По факту же никаких транзакций не было.

— Пап, это просто мой знакомый, — выдыхаю я. — Он меценат из Лондона. Я познакомилась с ним у Асты на одном мероприятии. Он много помогает малоимущим, я хотела предложить ему стать донором фонда мамы Антона Соколовского. Просто контакт затерялся.

Папа молчит. Переваривает.

— И ты для этого Радика напрягаешь? — наконец говорит он. — Давай я вашим этим донором стану. Зачем вам араб, Томусик? Отправь Ирме информацию на почту, поможем, чем сможем.

— Отправлю, — бессовестно вру, у мамы Антона нет никакого фонда, и стараюсь перевести тему. — Я Нану вчера видела в офисе. А Ирмы не было.

— А она переехать вздумала. Коза! Целыми днями квартиры ищет. — вздыхает папа. — Якобы ей не нравится ремонт и дом на Вавилова. Вынь да положи новую квартиру. Томик, тебе всё в твоём доме нравится? Ты переехать не хочешь? А то у меня от вас уже голова болит.

Усмехаюсь. У Ирмы реально дом в стиле «кавказское барокко». Позолота, лепнина, помпезные люстры. Кому такое понравится?

— Нет, папуль. Я переезжать не собираюсь. Папа Томусику самую лучшую квартиру подарил, — подмазываюсь, чтобы поскорее закончить разговор и не наговорить лишнего, как вдруг меня осеняет. — Я тебе перезвоню, папа! Срочное дело!

Разъединяю звонок раньше, чем он сообщает, что я его бессовестно сливаю.

— Георги Леванович лютует? — Стас садится и трёт глаза.

— Не отвлекай! — Тут же затыкаю друга.

Захожу на ЦИАН. Открываю карту и ищу дом на Воробьёвых горах, где мы познакомились с Асадом.

— Чего ты там скроллишь?

Нахожу нужный ЖК, смотрю объявления. В том же корпусе продаётся квартира. А ларчик просто открывался.

— Я гений, Стас! Кто бы что ни говорил, а мозги у меня папины! — С гордостью заявляю, слушая гудки.

— Несомненно, Тамара Гиоргиевна, — подкалывает меня Стас.

— Добрый день! Меня заинтересовала квартира в ЖК «Долина Сетунь». Хочу сегодня посмотреть. — Без предисловий заявляю я.

— Здравствуйте! Сегодня? — удивляется женский голос в трубке. — Я уточню, но, скорее всего, сегодня не получится.

— Я покупаю за наличные, — вхожу в роль. — Другие варианты даже не рассматриваю. Готова внести залог. Сегодня.

— Я уточню детали и вам перезвоню. Как могу к вам обращаться? — Девушка сразу же превращается в ласковую кошечку, почуяв скорую выгоду от закрытой сделки.

— Меня зовут Тамара. Жду. Всего доброго!

Кидаю трубку и чувствую, как сердце начинает колотиться. Я приеду туда и найду этого Платона Раппопорта или чья там эта квартира была. Правда, Аста говорила, что она большую часть времени пустует. Но ничего. Вдруг удастся подкупить консьержа? В конце концов, можно посмотреть номер и по кадастру пробить владельца.

Уже собираюсь заблокировать экран, как вылезает реклама. Сольный концерт Фары через семь дней в Москве.

Ха! Хватаю телефон, проверяю свой директ. Сообщение рэперу так и висит без ответа. Не раздумывая, перехожу по ссылке, покупаю билет в VIP-ложу. Там обычно тусуется ближний круг артиста, кого-нибудь разговорю и попрошу нас ещё раз познакомить.

На всякий случай звоню Соколовскому.

— Томико! Хинкалечка моя! — орёт он в трубку с грузинским акцентом. — Куда пропала?

— Антошкинс! — Пропускаю его восторги мимо ушей. — У тебя есть выходы на Фару?

— Это рэпер? «Пять минут назад»? Томми, ну навскидку не скажу, — тянет он. — Надо подумать. Чот вроде нет общих знакомых. Ты ж знаешь, я по техно. Да и вообще мне тридцать, если ты забыла. С малолетними рэперами не тусуюсь. А зачем тебе?

— Надо!

— На молодое мясо потянуло? — ржёт он.

— Просто найди мне выход на этого рэпера! — взрываюсь я. — Какого черта я Путина через одно рукопожатие знаю, а этого лохматого не могу выцепить?

— Да чё ты завелась? — удивляется Соколовский. — Ща закину пацанам клич. Отбой.

Выдыхаю. Пишу Эдику, чтобы подъехал через час, и начинаю быстро собираться. Пока Стас ждёт доставку завтрака, бегу в душ.

Одеваться лень — натягиваю всё чёрное. Кожаные брюки и безразмерную толстовку. Краситься тоже лень. Собираю волосы в хвост, заплетаю из него колосок. Смотрю на себя в зеркало — унылая и подавленная, даже несмотря на появившуюся надежду. Оборачиваюсь, кожаные брюки висят, только попу обтягивают. Кажется, я даже постарела за последнее время. Улыбаюсь своему отражению, но всё равно себе не нравлюсь.

Внизу меня уже ждёт Эдик, и появляется ощущение, что всё сложится.

— Шестьдесят второй «Майбах», красиво, — ухмыляется Стас.

— Я должна быть похожей на клиентку, способную купить квартиру за наличные, — грустно улыбаюсь.

— Выглядишь неважно, Томусь, — зачем-то говорит друг.

— Моё неважно для кого-то прайм-эра! — Отбиваю.

Прощаюсь со Стасом и сажусь в машину. Называю водителю адрес, и только когда машина трогается, до меня доходит, я еду туда, где всё началось.

Глава 4

За окном мелькают улицы, но я их не вижу. В голове только одна картинка: май, закат, терраса и момент, когда я впервые услышала его голос. Момент, когда я впервые почувствовала, что это не просто мужчина. Что это мужчина, с которым меня связала судьба. Предопределение-мактуб.

Эдик высаживает меня у входа на территорию. Я выхожу, задираю голову и смотрю наверх. Туда, где когда-то стоял он. Где мы перекрикивались весь вечер. Где я назвала его «Алладином», а он обиделся.

Ухмыляюсь.

Разве могла я тогда подумать, когда ехала к Асте просто выпить вина и развеяться после идиотской измены Ильи, что всё так закончится? Что я буду стоять здесь спустя месяцы, разыскивая этого мужчину, чьё имя даже не могу выговорить?

— Тамара Гиоргиевна? — Ко мне подходит девушка в строгом пальто. Риэлтор. — Пойдёмте.

Она заваливает меня ненужной информацией о районе, жилом комплексе и называет имена известных жильцов. Ничего не запоминаю, мозг сосредоточен на другом. Поднимаемся в квартиру. Старательно делаю вид, что я заинтересована. Она в целом красивая, светлая, с отличным ремонтом. Но я её даже не вижу. Я выхожу на балкон и ищу глазами ту самую террасу.

— Вид, конечно, не на ту сторону, — говорю я, когда риэлтор начинает рассказывать про оснащение. — Извините, я, наверное, ошиблась. Мне бы хотелось квартиру с видом на МГУ.

Она расстроена, но предлагает мне другие варианты, я вежливо слушаю и пытаюсь скорее от неё избавиться.

Наконец спускаемся вниз. У выхода из лифта я хлопаю себя по карманам.

— Ой! Я телефон на диване забыла! В общем холле. Вы идите, я сама поднимусь, заберу.

Риэлтор кивает, обещает прислать в мессенджер подходящие мне варианты и уходит. А я трясущимися пальцами нажимаю кнопку лифта на этаж выше Астиного.

Двери лифта, кажется, открываются целую вечность. Я задерживаю дыхание и выхожу на этаж.

Ни-че-го. Он не жилой. Только двери в технические помещения, и потолки низкие. Явно здесь никакого пентхауса с огромной террасой нет.

Вызываю лифт снова и чувствую, как слёзы текут по щекам. Сама не знаю почему. Наверное, перенервничала. Слишком много надежды вложила в этот день. Слишком много...

Вытираю слёзы рукавом, смотрю на панель и замечаю кнопку, которой раньше не замечала.

Буква. Не цифра. Этаж выше.

Нажимаю.

Скоростной лифт ползёт вечность. Сердце начинает покалывать и бешено колотиться.

Створки раскрываются, и по убранству понимаю, что подходит. Тут отделка классом выше, чем была на этаже у Асты и том, где я смотрела квартиру.

Выхожу. Подхожу к единственной двери. Звоню. Прикладываю руку к груди, чтобы хоть как-то утихомирить подскочивший пульс, и размеренно дышу. Рассматриваю свои ботинки и настраиваюсь на успешный исход.

Спустя бесконечность дверь открывается.

На пороге стоит блондинка. Совсем юная и явно испуганная. У Асада друзья, кажется, даже младше него, подходит. Видимо, это девушка этого не Раппопорта.

— Здравствуйте! — Решаю действовать без промедлений. Голос от волнения осип. — Вы здесь живёте?

— Да-а-а, — дрожащим голосом отвечает девушка. Чего она меня так меня боится? Скрывается что ли?

— А давно? Я Вас, кажется, не знаю. — Судя по её неуверенности, она здесь недавно, и я могу притвориться соседкой, чтобы вызвать доверие.

— Чуть больше месяца. А что? — Бедная аж вся дрожит.

— А вы снимаете? — Может, она с подружками снимает эту квартиру и клиентов тут принимает вообще. Надо всё выяснить.

— Нет, это квартира моего молодого человека, — пищит девушка. Да что же она меня так боится то? Лишь бы не захлопнула дверь и не убежала.

— Отлично. А он дома?

— Нет. В командировке, — обламывает меня блондинка. — А что случилось?

— Я даже не знаю, как объяснить, — решаю честно всё рассказать. — У вас же квартира с террасой?

— Да, с террасой. Мы вас затопили? Мы покроем все расходы. Простите, пожалуйста, — начинает лепетать девушка.

— Нет-нет, не затопили. Понимаете, моя подруга раньше под вами снимала квартиру, и полгода назад мы познакомились с друзьями вашего молодого человека, когда отдыхали на своём балконе, — выкладываю всё на одном вздохе и чувствую, как и у самой голос дрожать начинает. — И мне очень нужно найти одного из них. Я никого не знаю из тех присутствующих. Единственное, помню, что там был рэпер один известный. Фара. Я ему писала, но сами понимаете, у него, наверное, тысячи сообщений, и он мне не отвечает. Я уже потеряла надежду и решила к вам прийти. Пришлось даже риэлтора обмануть и сказать, что я на просмотр квартиры в этот дом пришла, чтобы попасть сюда.

Договорив, чувствую, как глаза снова заволакивает влагой, но замечаю, что девушка начинает входить в моё положение и немного расслабляется.

— А как звали того молодого человека? — Любопытствует она.

— Асад, — выдыхаю.

— У моего молодого человека нет таких друзей, — снова слышу неудачу и закусываю щёки. Я уже и сама готова поверить, что он лишь мираж. Может, я таким образом переживала расставание с Ильёй и выдумала себе возлюбленного? Как дети выдумывают себе воображаемых друзей, чувствуя одиночество. — Я спрошу, конечно, можете оставить мне свой номер.

Достаю телефон, чтобы поделиться контактом, и слышу, как на этаж приезжает лифт. Оборачиваюсь и вижу высокого молодого человека, направляющегося к нам.

— Томми? — В глазах парня узнавание, и я готова разрыдаться от счастья. Я не сумасшедшая! Он меня знает, значит, Асад существует. — Аморе мио!

Парень подходит к блондинке и слишком жарко для посторонних глаз её целует. Отворачиваюсь, не в силах на это смотреть. Душу рвёт.

— Да. А вы меня знаете? — Спрашиваю, как только он отрывается от своей зазнобы.

— Ну, вообще мы познакомились. Эльдар! Наслышан.

Элли! Ну конечно же! Я совсем про него забыла! Он же обещал спуститься и силком меня поднять к ним в квартиру. На мидии приглашал!

— Эльдар, помогите мне, пожалуйста! Мне очень нужно связаться с Асадом. Он удалил свой телеграм, и у меня нет ни малейших зацепок. Я не знаю, как его найти. Вы моя последняя надежда, — говорю со слезами. Парочка начинает плыть у меня перед глазами, и я практически ничего уже не вижу.

— Оукей, — говорит молодой человек, и я улыбаюсь. Как Асад. Один в один. — Я ему передам.

— Вы также, как он, говорите «оукей», — улыбаюсь от нахлынувших воспоминаний. — Спасибо большое! И вам спасибо огромное! Я пойду, не буду вас задерживать. Вам мой номер не нужен?

— Нет. Уверен, он помнит его наизусть, — как-то слишком строго говорит мне Эльдар. Я киваю ему и удаляюсь к лифту. Не могу больше держать лицо. Я хочу поскорее остаться наедине с собой. Нажимаю на кнопку лифта, он сразу же открывается, и я захожу в него, поблагодарив пару взглядом на прощание. — Тамара. Он тебе рассказывал про Камиллу?

— Да. — Внутри всё холодеет. Что он хочет мне сказать?

— Прошу тебя, не играй с ним. Он заслужил счастье после всего, что пережил, — назидательно произносит молодой человек.

Сглатываю вязкую слюну и киваю ему, чувствую, что больше не в силах сдерживаться и отпускаю себя. Слезы начинают бежать по щекам потоком, разъедая кожу.

Как только створки закрываются, обессиленно съезжаю по стенке на пол. Камилла! Я даже не подумала о ней. Закусываю свой кулак и понимаю, что причинила намного больше боли Асаду, чем думала. Глаза его друга всё мне сказали...

Мне впервые за эти месяцы становится больно за него, а не за себя. И я понимаю, что он мне открылся, поделился своей болью, а я всё равно, зная это, сделала то, что сделала. Эльдар прав! Он после всего пережитого заслужил своё счастье. А я принесла снова боль.

Найти-то его я нашла, а вот даст ли он мне теперь второй шанс?

Глава 5

По пути домой места себе не нахожу. Постоянно вспоминаю взгляд и тон Эльдара, когда он говорил, что слышал обо мне. Явно слышал он что-то нехорошее и хотел мне это ярко продемонстрировать.

Но следом обронил фразу : «Уверен, он помнит твой номер наизусть». И от неё внутри разливается что-то тёплое, почти болезненное. Значит, есть надежда. Значит, он меня не окончательно вычеркнул из жизни.

А его слова на прощание: «Прошу тебя, не играй с ним» — до сих пор стучат в висках в такт пульсу.

И теперь я боюсь. Боюсь его звонка. Боюсь разговора, который неизбежно случится. Что я ему скажу? Что всё поняла? Что готова? Готова ли?

Телефон молчит, а я уже схожу с ума.

Мы уже в Хамовниках, я не отрываясь смотрю в окно, и мой взгляд приковывает яркая витрина цветочного магазина. Весь фасад утопает в нежных цветах, будто маленький оазис посреди серой московской осени.

— Эдик, останови здесь, я сама дойду, хочу в магазин заглянуть, — говорю водителю и выхожу.

Захожу внутрь и прошу собрать мне букет розовых махровых гвоздик. Хоть чем-то надо себя порадовать сегодня.

Продавщица протягивает мне нежный букет с чуть дрожащими бутонами. Я прижимаю их к лицу, вдыхаю пряный, горьковатый аромат и прикрываю глаза.

Сразу слышу его чарующий голос. Бархатный, с акцентом, читающий мне Ахматову под луной в Турине:

«В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»

«И Азией пахли гвоздики»

Улыбаюсь и выхожу из цветочного. Пройдя пару десятков метров, натываюсь на вывеску «Molecule». Магазин нишевой парфюмерии.

Ноги сами несут меня внутрь.

— Здравствуйте, — сама обращаюсь к девушке-консультанту. — Подберите мне, пожалуйста, аромат с гвоздикой. Хочу всегда носить его на себе.

— Добрый день! Проходите, присаживайтесь! Гвоздика? — она задумчиво вбивает запрос в планшет. — Довольно редкая нота. Сейчас что-нибудь подберём.

Я сажусь в кресло перед туалетным столиком, и консультант выносит мне тестеры.

— Послушайте Rosendo Mateu № 5. — Консультант распыляет парфюм на блоттер и поясняет: — Здесь цветочная гвоздика в средних нотах, а специи гвоздики в верхних.

Я вдыхаю и... меня душит. Ощущение, будто бабушка одновременно маринует белые грибы, подготовив все специи, и надушилась своими ретро-пудровыми духами перед походом в театр.

— Резковат, — вежливо улыбаюсь я. — Тяжеловат для меня. Гвоздика тут больше в специях.

— Поняла. Этот как раз легче. Peony & Blush Suede от Jo Malone, — распыляет следующий аромат.

Пахнет каким-то гвоздичным лосьоном от комаров с дачи, смешанным с незамысловатыми яблочными духами, которыми все пользовались в классе седьмом.

— Надо посмотреть, как раскроется, — дипломатично говорю я. — Вообще я люблю совсем лёгкие ароматы. Белоцветочные, цитрусовые, фужерные. Альдегидные. Люблю пахнуть

просто дорогим стиральным порошком или ненавязчивой нежностью. Километровые шлейфы — не моё.

— Поняла. — Консультант кивает и протягивает третий блоттер. — Casablanca Lily от Byredo.

Я внюхиваюсь и слышу мёд, много мёда, который совсем не люблю. Немного корицы. Будто это печенье с маминым брусничным конфитюром, который она подаёт к мясу. Гвоздика там вроде есть, но всё слишком десертно.

— Нет, — качаю головой. — Сладкий.

— А что вы обычно носите? — спрашивает девушка.

— Kilian. Prelude to Love, но его сняли с производства. Сейчас Moonlight in Heaven, — отвечаю я. — Очень нежные, я много лет им не изменяю.

— Это же скорее мужские ароматы, — удивляется она. — Резковатые.

— На моей холодной коже они раскрываются нежно, почти невесомо. Они комплиментарные для меня, — объясняю я.

Консультант снова смотрит в планшет.

— Есть ещё один аромат с гвоздикой. Сейчас позову другого специалиста, она занимается этим брендом. Хотите чаю?

— Да, спасибо.

Через несколько минут ко мне подходит девушка с подносом. На нём — флаконы и какие-то скляночки.

— Здравствуйте, меня зовут Диана, — представляется она. — Мне сказали, что Вы подбираете аромат с гвоздикой. Есть один. Это настоящая арабская роскошь.

Усмехаюсь. Знаки. Повсюду знаки.

— Честно признаюсь, — говорю открыто, — я совсем не воспринимаю арабские духи. Слишком удушающие.

— Вы про Attar collection? Swiss Arabian? The House of Oud?

— Да. Совсем не моя история, — говорю, пока консультант расставляет передо мной свой набор.

— Понимаю. На любителя. Но Amouage — это совсем другое.

— Amouage? — переспрашиваю. — Это арабский бренд? А я всегда думала, что это французский.

— Нет, что вы! — улыбается она. — Это бренд из султаната Оман.

Глава 6

Меня будто током бьёт.

Оман!

Ну конечно же! Страна на Аравийском полуострове, начинающаяся с гласной! Которую я не угадала тогда, с его тремя попытками!

И его рассказ об Оманской империи, контролировавшей Индийский океан. Он с таким трепетом и гордостью мне это рассказывал, и как раз в этот момент вошёл Соколовский и я переключилась. Конечно, это его родина! Оман...

И он спрашивал хочу ли я посетить Маскат? Я тогда не придавала значения, не вспомнила, что это столица Омана. Думала, город в Саудовской Аравии! А он говорил о своей родине!

У меня внутри всё переворачивается. Я подаюсь вперёд, разглядывая белый флакон с золотой крышкой.

— Надо же... Оман...

Диана, видя мой интерес, продолжает:

— У бренда очень красивая история. Вы знали, что Оман — родина ладана? С древних времен там произрастают редкие и очень ценные душистые вещества: ладанное дерево, мирра, скалистая роза. Ладанное дерево, с которого добывают серебристый ладан, растёт только в провинции Дофар. Несколько веков назад серебристый ладан из Омана приравнялся по цене к золоту. Да и сейчас он остаётся очень дорогим, потому что сбор производится вручную и в ограниченных количествах.

— М-м-м, — мычу я, заворожённо слушая.

— В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году султан Омана Кабус бен Саид аль Саид поручил наследному принцу Саиду Хамаду бен Хамуду аль Саиду создать компанию, которая возродила бы традиции производства парфюмерии...

Я замираю.

Аль Саид!

В ушах звучит его голос: «Из рода Аль Саид».

Последний пазл встаёт на место. Я не сомневаюсь. Он сказал именно так. Назвал именно эту фамилию. Я это так отчётливо слышу, будто это было секунду назад.

Диана продолжает рассказывать, а я слушаю, боясь пропустить хоть слово:

— Принц пошёл на риск и обратился к известному французскому парфюмеру Ги Роберу, создавшему величайшие ароматы двадцатого века: Madame Rochas, Calèche Hermès, Dioressence. Его отец Анри тоже был знаменитым парфюмером — Chanel No 19, Cristalle... Ги Робер получил заказ, о котором мечтает каждый. Принц сказал: «Не думай о цене, извлекай аромат из любых, самых дорогих источников». Первым ароматом стал Amouage Gold. Он завоевал не только любовь арабского мира, но и пришёлся по душе европейцам. Парфюмер называл его венцом своей карьеры.

— А что значит название бренда? — спрашиваю я. Понимаю, что действительно это же не французское слово.

— Составлено из двух слов: французского «amour» — любовь, и арабского «Al maughe» — волна. Оно символизирует слияние двух культур. Посмотрите, — девушка демонстрирует мне тяжёлый флакон. — Логотип напоминает королевскую печать султаната Оман, сам флакон повторяет мечеть, а крышечки флаконов — купол самой известной мечети в стране, построенной в две тысячи втором году в Маскате!

У меня перехватывает дыхание. Та самая мечеть! С его первой фотографии. Потрясающе величественная. И этот купол...

Две тысячи второй или тысяча четыреста двадцать второй по исламскому календарю...

Сходится!

— Головной офис компании находится в Лондоне, — добавляет Диана. — По традиции брендом управляют наследные принцы.

Я киваю, чувствуя, как внутри поднимается волна. Тёплая, почти болезненная. Я смотрю на своего консультанта, как на диковинную волшебницу. Она явно мне послана Всевышним. Ни один листок с дерева не падает без Его воли, звучат в ушах слова Халида.

— А теперь послушайте новинку, — Диана берёт в руки белый флакон. — Пришла к нам буквально на той неделе. Это переосмысление легендарного аромата Nopour. Здесь как раз присутствует гвоздика. Но безумно деликатно. Парфюм хрустальный. Создан в честь неразделённой, обречённой любви.

Улыбаюсь. Он совершенно точно станет моей любовью. Понимаю это ещё до первого пшика.

Протягиваю запястье. Диана распыляет парфюм, и я смотрю как заворожённая на белый флакон и облако аромата, оседающем на коже.

Подношу запястье к лицу, прикрываю глаза и... переносусь в майский лес после дождя. Там, где всходят первые ландыши. Простой, прозрачный, но такой притягательный аромат.

— Тихая роскошь, да? — улыбается Диана. — Под стать принцессе загадочного султана.

Проходит минута, и аромат начинает раскрываться. Теперь это мой июньский сад на даче. Жасмин, флоксы... и где-то там, на заднем плане, практически неуловимая гвоздика. Садовник только скошил траву, а я сижу на качелях, ловлю сеть, чтобы написать ему сообщение. С реки дует свежий бриз. Именно так я слышу этот парфюм.

— Беру! — выдыхаю я.

— Может, разнесите? Вернётесь позже? — уточняет Диана. — Флакон сто миллилитров.

— Беру. Это абсолютно мой аромат, — безапелляционно произношу. — Вы даже не представляете сколько он для меня в себе таит. А с мужскими познакомите?

Я начинаю описывать Диане его запах. От которого у меня подкашиваются колени. Дым, ладан, табак, специи, что-то древнее.

Диана приносит несколько флаконов. Распыляет на блоттеры. Нет. Нет. И вдруг...

ДА!

Я подношу блоттер к лицу и чувствую его. Его самого. Тот аромат, который искала в каждой парфюмерной лавке в своём сне. Который снился мне ночами. Который отпечатался в моём сознании с Турина намертво.

Смахиваю слезу, которая предательски скатывается по щеке.

— И этот беру, — говорю тихо.

Заплатив сумму, равную средней зарплате в Москве, выхожу счастливая. У меня теперь есть его запах. И свой новый — тихой роскоши.

Иду домой с одним единственным желанием: распылить мужские духи на подушки и гуглить Оман и род Аль Саидов.

Что-то мне подсказывает — это не совпадение.

Захожу в квартиру, мою руки, ещё раз с удовольствием улавливаю запах со своих запястий и вдруг слышу звук сообщения.

Этого не объяснить. Я просто знаю, что это он. По внезапно сбившемуся дыханию. По подскочившему пульсу. По тому, как сердце пропускает удар, а по телу пробегают мурашки. Замираю. Выдыхаю.

Смотрю на телефон.

Mr. Asad: 1 новое сообщение.

Глава 7

Я замираю. Смотрю на телефон и не могу пошевелиться. Сердце бешено колотится, и пульс начинает стучать в висках. Да так, что, кажется, его слышно во всей квартире.

Руки трясутся. Я опускаю на них взгляд и вижу, что они дрожат, я даже телефон в руки взять не могу. Сцепляю их вместе, стараясь унять дрожь. зуб на зуб не попадает, и я совершенно не понимаю, что со мной происходит. Со мной никогда такого не было. Я вообще не нервничаю никогда.

— Тамара, — шепчу я. — Успокойся! Просто успокойся!

Но тело не слушается. Меня колотит, как в лихорадке. Внутри всё вибрирует, будто в Москве началось землетрясение, и его эпицентр прямо у меня в груди.

Хватаюсь за раковину, чтобы не упасть. Тяжело дышу. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю. На меня глядит бледная, перепуганная женщина с бешеными глазами.

— Тамара, — говорю я себе. — Возьми себя в руки! Ты справишься. Ты ждала этого! Ты хотела этого! Он нашёлся. Не проигнорировал. Просто открой сообщение.

С трудом включаю тёплую, почти горячую воду и подставляю под струю дрожащие руки. Смотрю, как вода стекает по пальцам, и постепенно, с каждым мгновением, тряска немного стихает. Шум воды успокаивает, заземляет, возвращает в реальность.

Воду не выключаю, её звук рассеивает моё волнение. Вытираю руки полотенцем, делаю глубокий вдох и беру телефон в руки.

— Поехали, — говорю вслух и открываю сообщение.

Mr. Asad: «Детка! Могу позвонить?»

Я начинаю нервно смеяться. Так просто. Элементарно. Три слова, от которых у меня земля уходит из-под ног.

И штормит снова. Ещё сильнее. Я вся вибрирую, будто иду по канату над пропастью. Сжимаю телефон в руках, опускаюсь на тёплый пол, прижимаюсь спиной к стене. На «земле» становится чуть легче. Мне тепло, а то только сейчас до меня доходит, что меня реально знобит.

Пишу: «Можете».

Тут же звонок. Пульс снова зашкаливает, и я прикладываю руку к сердцу, это всегда помогает.

— Алло, — мой голос звучит так же драматично, как тогда, когда я читала ему Ахматову. Внутри усмехаюсь своей артистичности, но внешне меня продолжает штормить.

— Тамара! — слышу его голос. Такой желанный, такой обожаемый, такой родной! Чувствую даже, как выражение моего лица меняется, и я удовлетворённо закусываю губу. — Прежде всего я хочу сказать одну вещь.

— Хорошо, — тихо произношу.

— Я не знаю, зачем вы меня искали, что у вас произошло, — предельно строго говорит Халид. — Не знаю, как в дальнейшем сложатся наши отношения. Не знаю, как вообще сложится наш сегодняшний разговор. Я его, честно признаться, боюсь и опасаясь. Но я должен сказать в любом случае.

Я напрягаюсь до дискомфорта в суставах. Что он хочет сказать? Его непредсказуемость меня, честно говоря, слегка напрягает.

— Говорите, — хриплю я и нервно облизываю губы.

— Тамара! — выдыхает Халид, будто собирается с чем-то. — Я Вас люблю!

Я зажимаю рот рукой, но звук всё равно вырывается — жалкий, сдавленный, совершенно неконтролируемый. Я буквально скулю в трубку, как раненый джейран. Я не плакала так даже в детстве. Это не слёзы грусти и не слёзы радости. Это какой-то сброс всего напряжения, всех этих шести недель, всех поисков, всей моей боли.

— Простите! — Произношу сквозь всхлипы. — Я в порядке! Я сейчас!

Я хватаю воздух, как выброшенная на мель рыба, и пытаюсь прийти в себя. Что за реакция? Я вообще сейчас не узнаю себя и своё тело!

— Радость души моей, — ласково произносит Халид и волшебным образом заставляет меня успокоиться и внимать ему. — Как жаль, что я не могу держать вас в своих объятиях прямо сейчас, но знайте, что я держу вас в своём сердце каждую минуту каждого дня.

— Халид, — всхлипываю. Это всё, что я могу произнести. Я сейчас не в себе! А ещё поражена его речами. И мне стыдно, что мой мозг не может выдать что-то хотя бы на сотую долю подобное его словам. — Скажите это по-арабски!

Халид включает и погружает меня в транс своим гипнотическим звукоизвлечением.

Я закрываю глаза и позволяю арабским словам завладеть мной. Не понимаю ни слова, но чувствую каждое. Это чистая магия, которая не нуждается в переводе. Он говорит мне что-то важное, и моё тело понимает это раньше, чем мозг.

Слушаю, как замороженная, и дыхание приходит в норму, и дрожь начинает стихать. Я даже на миллионную долю не осознавала степень своей тоски по нему. Только сейчас, слыша его голос, представляя его улыбку, я осознаю глубину своих чувств. Осознаю влияние, которое он оказывает на меня. Мне сейчас хочется ему столько рассказать, столько поделиться, но я могу лишь слушать его и улыбаться.

— Детка, — Халид внезапно переходит на русский, и его тон становится игривым и мальчишеским. — Знаете, что меня интересует больше всего?

— Сейчас узнаю, — произношу сквозь улыбку до ушей. Смеюсь и смахиваю слёзы. Как же я по нему скучала. С ума можно сойти...

— Вы последовали своей русской традиции?

— Какой? — Шмыгаю носом.

— Забыл слово... Ай... — Произносит абсолютно по-восточному. — Ну что ваши женщины после расставания отрезают?

— Каре? — Смеюсь. Он помнит. Он помнит каждую мелочь, как и я. Даже мою дурацкую шутку про волосы.

— Да!

— Не последовала, — хохочу и чувствую, как у меня окончательно перестают литься слёзы и нормализуется дыхание.

— Ма шаа Аллах! Я так волновался за Ваши красивые волосы!

Качаю головой и чувствую, что у меня даже пересохшие губы лопаются в уголках от улыбки.

— Тамара, мне надо позвонить, — говорит Халид и разъединяет звонок.

В полнейшем недоумении смотрю на дисплей и не понимаю, что происходит. Он что, просто отключился в самый пик нашего общения? Озадаченно хлопаю ресницами и не понимаю, что только что вообще произошло? Он позвонил, признался мне в любви, сказал, что я в его сердце каждую секунду, спросил про каре и бросил трубку?

Начинаю хохотать как сумасшедшая и пошатываясь встаю с пола. Одуреть можно! Таких эмоциональных качелей у меня в жизни, кажется, ещё не было. Умываю лицо и каждые пять секунд поглядываю на дисплей. Может, он меня уже заблокировал? Но нет, аватарка на месте, написано, что был недавно.

Переключаю кран с тёплой воды на холодную, стараюсь сейчас ни о чём не думать и бесконечно протираю лицо.

Из моего успокаивающего ритуала меня вырывает звонок. Практически в собранном состоянии кидаю взгляд и вижу, что Халид. Смотрю на себя в зеркало — глаза опухшие, но в них появился блеск, которого не было два месяца. В них снова горит жизнь, азарт и предвку-

шение. Беру телефон и выхожу из ванной. Отвечать не тороплюсь. Дышу, выравниваю дыхание и ложусь на диван в гостиной.

— Да!

— Всё! Я весь в Вашем распоряжении, — довольно сообщает Халид.

— Эндрю звонили?

— О, нет. Он застрелился, — спокойно говорит Халид. — Больше он не будет меня отвлекать от Вас!

— Что? — Шокированно переспрашиваю. Меня он, конечно, раздражал, но не до такой же степени.

— На Нью-Йоркской бирже было три чёрных дня. Он потерял более семидесяти миллионов и не справился. Не забивайте себе голову, Тамара. Я звонил Абдулле.

— А, понятно, — выдаю на автомате. Я всё ещё перевариваю информацию об Эндрю.

— А почему Вы не спрашиваете зачем? — Озорно интересуется Халид.

— Интересуюсь, — снова улыбаюсь, перенимая его настрой. — Зачем?

— Дал распоряжение готовить самолёт. Увы, мы не успеем провести эту ночь в пустыне. Но зато завтра к ужину уже будем в Аль Ула ин шаа Аллах, — деловито сообщает Халид и слышу, как улыбается.

Глава 8

Я в замешательстве. Полном.

— Самолёт? — переспрашиваю. — Уже? Вот так сразу? Мне — самолёт?

— Детка, ну я за Вами залечу, и полетим в КСА, — говорит он, и я прямо слышу его улыбку.

— КСА? — растерянно моргаю.

— Королевство Саудовская Аравия, — терпеливо поясняет он.

Саудовская Аравия. Аль-Ула. Пустыня, о которой он говорил.

— А когда Вы прилетите? — спрашиваю, пытаясь уложить всё в голове.

— Ориентировочно в половину шестого утра по Москве.

Смотрю на часы. Половина восьмого вечера. Десять часов. Меня опять трясти начинает, и я накрываюсь пледом. Через десять часов я снова увижу его...

— А Вы ничего обсудить не хотите? — вырывается у меня.

— Детка, хочу, конечно, — в его голосе появляются серьёзные нотки. — Но я не уверен в своём владении русским. Я боюсь, что мы снова поймём друг друга превратно. Полёт из Москвы в Аравию займёт около семи часов, мы успеем наговориться.

Усмехаюсь. Человек, который говорит «превратно», не уверен в своём русском...

Семь часов. Семь часов в замкнутом пространстве. С ним.

В голове мгновенно всплывают картинки прошлого полёта. Буфет, на котором... Я чувствую, как краска заливает щёки. Смотрю на свои ногти и на кончики волос — к счастью, к папиному дню рождения я себя привела в порядок. А то последний месяц забила на себя по полной.

— Хорошо, — выдыхаю я.

— Детка, я должен закончить дела, — голос у Халида виноватый. — Всё так внезапно. Я не могу просто так испариться. Позвольте мне поработать?

— А если скажу, что нет? — усмехаюсь я.

— Ну, тогда у нас не будет денег на хлеб с солью.

Я хохочу.

— Сказал шейх в часах Jacob & Co с личным джетом.

— Я не шейх. У меня нет учёной степени. Я только муаллим. Ну и я хорошо учусь, — обиженно-игривым тоном возражает он. — Стипендию получаю. На неё и живу свою скромную жизнь.

— Да-да, — смеюсь. — Я так и поняла.

— Ещё гастар... Гастарбатерю понемногу. — Он запинается на этом дурацком слове, и я снова смеюсь.

— Позволяю, — говорю сквозь улыбку. — Идите работайте.

— Детка? — зовёт меня.

— М?

— Ухибукки!

— И что это значит? — хохочу.

— Погуглите! — слышу его довольный голос. — Всё, убежал!

И отключается.

Я смотрю на потолок и улыбаюсь. Ухибукки. Скорее всего, это «я тебя люблю» по-арабски. Похоже на «хашибати». Если хашибати — любимая, то ухибукки вполне может быть «люблю тебя».

Ладно, потом разберусь.

Смотрю на часы. Восемь часов до выхода из дома. Восемь часов, чтобы собраться, прийти в себя и...

Саудовская Аравия!

Меня осеняет. Там же дресс-код! Абайи, хиджабы, закрытая одежда! А у меня в гардеробе — сплошное «дерзко-провокационно-голо».

— Трэвис! — ору я на всю квартиру. — Ты едешь к бабушке в гости!

Трэвис, дремавший в своей лежанке, подскакивает и смотрит на меня с недоумением. Но хвостом уже виляет, слово «бабушка» он знает. Там разнообразно кормят.

Я ношусь по квартире как угорелая: миски, поводок, любимая резиновая курица-пищалка, которую мама терпеть не может. Лежанка. Засовываю всё в огромный бумажный пакет, хватаю Трэвиса на руки, вызываю такси и лечу к маме.

Мама открывает дверь в шёлковом халате и в бигудях.

— Томуль? — удивляется она. — А чего без звонка? Что случилось?

— Мамуль, я улетаю рано утром, — выпаливаю я, вручая ей в руки пса вместе с пакетом. — Трэвиса тебе привезла.

— Куда? — глаза у мамы становятся круглыми.

— На шоппинг, — вру я на ходу. — В Дубай.

— А к чему такая срочность? — не понимает она.

— Похудела! — Я показываю на свои свободно сидящие брюки. — Носить нечего.

Сарина летит, и я с ней.

Мама смотрит на меня с прищуром. Кажется, не верит. Но спорить не лезет.

— Ладно, — вздыхает она, прижимая к себе довольно повизгивающего Трэвиса. — Лети.

Но чтоб каждый день звонила!

— Каждый день! — кричу я уже из лифта.

— И я пришлю список того, что мне нужно, — кидает вдогонку.

Двери закрываются, и я прижимаюсь спиной к холодной стене.

Девять часов. Через девять часов я увижу его.

И мне срочно нужно найти хоть что-то, в чём не стыдно будет предстать перед арабами.

Вылетаю из маминого подъезда и сразу набираю приятельницу, дагестанку Илону. У неё свой бутик-ателье со скромной одеждой. Если кто и спасёт меня поздним вечером, то только она.

— Илончик! — ору я в трубку, путаясь в словах от скорости. — Хорошая моя! Выручай! Я лечу в Саудовскую Аравию. Мне нужны аутфиты. Срочно!

— Томачка! — её голос, как тёплый мёд. — Привет, моя радость! Ой, я отшила недавно новую коллекцию! Пришлю тебе на днях, скинь свой адрес, милая.

— Илончик, — перебиваю её, — я вылетаю в шесть утра. Мне надо прямо сейчас!

Она смеётся.

— Томачка, милая, у меня магазин закрывается через полчаса.

— Илон, адрес! — умоляю я.

— Кутузовский, 43. — В её голосе уже улыбка.

— Супер! Я недалеко! — я почти прыгаю от радости. — Пожалуйста, попроси своих девочек подождать меня. Я буду в течение получаса.

— Ну как я могу тебе отказать? — мурлыкает она в своей кавказской манере. — Тебя будут ждать.

Прошу таксиста ускориться, и уже через двадцать минут машина тормозит у нужного дома.

Влетаю в магазин запыхавшаяся, растрёпанная, но счастливая.

Девочки-консультанты уже ждут с охапками вещей.

— Тамара? — уточняет одна из них. — Добрый вечер! Илона нас предупредила, мы кое-что уже отобрали. Смотрите, вот наша новая коллекция. Можно не мерить, всё единого размера.

Они разворачивают передо мной шифоновые и шёлковые платья — струящиеся, невесомые, с длинными рукавами и закрытым воротом. А сверху — точно такие же накидки. Сразу обращаю внимание на детали. Где-то деликатная расшивка, где-то нарядная канва, но всё минималистично и даже стильно. Швы аккуратные. Щупаю ткань, можно было бы и лучше, но сейчас выбора нет.

— Беру! — выдыхаю я. — Всё беру! А платки есть? В тон?

— Они в комплекте идут, — поясняет девушка.

— Идеально! А вы мне не подскажете, где ещё можно приобрести что-то подобное?

— Подскажем, конечно. — Улыбается мне вторая девушка, пока первая пробивает мне покупки. — У Razarío есть коллекция «Рамадан». В ЦУМе должна быть.

— Спасибо! Вы мои феи!

Расплачиваюсь картой, хватаю огромные пакеты и вылетаю на улицу. Час до закрытия ЦУМа. Успеваю.

Влетаю в ЦУМ как ураган. Консультанты на входе шарахаются.

— Лечу в Саудовскую Аравию, — выпаливаю я первой попавшейся девушке, — Мне нужен Razarío, коллекция «Рамадан» и всё в этом духе. Мерить не буду!

Три консультанта срываются с мест. За пять минут до закрытия я стою у кассы, и они пробивают одну вещь за другой и упаковывают ворох вещей.

Счастливая и удовлетворённая сажусь в такси и чувствую, что начинаю вырубаться, как только голова касается подголовника.

Просыпаюсь от того, что таксист осторожно трогает меня за плечо и из открытой двери меня обдаёт холодом.

— Приехали, девушка, — вкрадчиво говорит он.

Вылезаю из машины, нагруженная пакетами, как мул. Еле доползаю до лифта, затаскиваю всё в квартиру, сваливаю горой в прихожей.

Телефон пиликает.

Mr. Asad: «Чем занимается моя детка?»

Улыбка до ушей.

Я: «Готовится к пустыне. Но сейчас лягу спать».

Смотрю на себя в зеркало в прихожей и ужасаюсь. Синяки под глазами такие, будто я не шесть недель, а год не спала. Мешки, морщины, кожа серая. Действительно немолодая женщина. Он испугается и улетит обратно...

Надо спать. Реально спать. Шесть недель нормального сна не было. Дремала урывками, читала целыми днями, переосмысляла. Переживала. Следила за новостями из Палестины и Йемена.

Ставлю будильник на четыре утра. Падаю на кровать и вырубаясь.

Просыпаюсь за пять минут до будильника.

Бодрая. Счастливая. Впервые за шесть недель так беззаботно спала. Ни снов, ни кошмаров, ни постоянных пробуждений, просто провал и тишина.

Вскакиваю, бегу в ванну. Быстро принимаю душ, мою голову, наношу на лицо маску, клею патчи под глаза. Заматываю волосы в тюрбан и бегу собирать чемодан.

Аккуратно укладываю новые шелка и подбираю к своим образам обувь и сумочки.

Проверяю телефон и замираю.

Mr. Asad: 1 новое сообщение.

Открываю с улыбкой.

Фото.

Его длинные вытянутые ноги в салоне того роскошного джета. Он снова в своих странных трикотажных штанах с запахом. Только теперь белых. Мои глаза совершенно независимо от моей воли впиваются в конкретный такой бугор, скрытый тонким трикотажем. Кажется, ОН тоже скучал. Ну или просто в приподнятом настроении от скорой встречи.

В руках у Халида банка с мятным джелато, а прямо по курсу мой любимый лакированный буфет. На котором...

Я ржу в голос. Он специально? Или просто так совпало? Провокатор арабский.

Сообщение под фото:

Mr. Asad: «Лвёночек ждёт не дожждётся свою кисоньку».

Глава 9

— Львёночек ждёт кисоньку? — говорю вслух и улыбаюсь до ушей. — Будет тебе кисонька! Потом не жалуйся, мистер Асад!

Бросаюсь к своим полкам и выуживаю чёрный комбинезон из спандекса. Решаю, что бра мне нужен, надеваю бесшовные трусики и натягиваю на себя комбинезон, подобный второй коже. Замираю перед зеркалом.

Я настоящая женщина-кошка. Комбинезон облегает, утягивает, подчёркивает каждый изгиб, переливается матовым блеском.

— Р-р-р, — рычу своему отражению и подражаю кисоньке.

Быстро собираю косметичку, подвожу кайялом глаза и надеваю красивую бижутерию от грузинских дизайнеров. Массивные золотые замысловатой формы серьги-кольца идеально завершают образ. Недолго думая, бросаюсь к ювелирке и достаю дорогущее кольцо с мордой кошки. Оно вычурное, но по сравнению с его часами — это просто баловство. Снимаю с вешалки кожаный тренч и последний штрих — новый парфюм.

Перепроверяю паспорта, на всякий случай запикиваю в сумку пачку наличных и вызываю такси.

Вещи почти собраны, осталось бельё. В этот раз я скромничать не собираюсь, и в чемодан летит тяжёлая артиллерия из убийственных комплектов.

Застёгиваю молнию и решаю пожурить Халида перед выходом.

Я: «А где Борис на Аурусе? Как мне добраться до аэропорта?»

Выхожу из дома с двумя огромными чемоданами. Иронизирую про себя, то «одни трусишки», то пятьдесят килограмм вещей. Арабские горки.

Подхожу к консьержке. Она почему-то уже не спит и листает что-то в телефоне.

— Наталья Львовна, доброе утро! — протягиваю ей букет гвоздик, который купила вчера. — Это вам! Я улетаю, а цветы совсем свежие.

— Томочка, доброе утро! Отдыхать? — Она смотрит на мои чемоданы, на мой сияющий вид и понимающе улыбается.

— Да, — мечтательно тяну я.

— А куда, если не секрет?

— В Саудовскую Аравию, — выдыхаю и сама не верю.

— Ой! Там же средневековье! — Консьержка округляет глаза. — И строжайшие законы!

— Посмотрим, — усмехаюсь.

— А на сколько?

И тут до меня доходит. Я даже не поинтересовалась. Не спросила, на сколько дней. Не спросила, какие у нас планы. Вообще ничего не узнала! И маме, насколько улетаю, не сказала. Совсем голова дырявая...

— Как пойдёт, — отвечаю с максимально беззаботным видом и выхожу на улицу.

Сажусь в такси. За окном проплывает пробуждающаяся Москва. Чем дальше от дома, тем сильнее меня начинает потряхивать и пульс подскакивает.

Когда мы выезжаем из Москвы, мне приходит сообщение. Голосовое от Халида.

— Чёрт вазьми! — орёт он в динамик. — Забыл! Что делать, Тамара?

Я хохочу. Весь такой ответственный, предусмотрительный, а забыл.

— Халид, — говорю я спокойно. — Не паникуйте! Мне не нужен Борис. Я буду через двадцать минут.

Приезжаю во Внуково-3. Быстро прохожу регистрацию, и меня везут на посадку в минивэне.

Вижу знакомый джет. Белый, изящный, с восточными золотыми и изумрудными орнаментами на хвосте. Сердце замирает от предвкушения.

Мне выгружают багаж. Кто-то в форме подхватывает мои чемоданы и везёт их к джету.

Я пытаюсь взять под контроль своё влюблённо-глупое выражение лица и неотрывно смотрю на носы своих сапог, как вдруг чувствую, что воздух сгущается. Вскидываю взгляд и вижу его.

Стоит на верхней ступеньке трапа в своей белой арабской пижаме и смотрит на меня. Я не вижу его лица с такого расстояния, но предвосхищаю его наглую, обожаемую мной улыбку.

— ТАМАРРРРА! — орёт Халид на всё Внуково. — ЧЁРТ ВАЗЬМИ!

Я смеюсь. Совершенно не могу сдержаться. Смотрю, как он начинает спускаться по трапу, и не выдерживаю.

Срываюсь с места и бегу к нему.

Двадцать метров, десять, пять, три, два, метр. Не думая, запрыгиваю на него, обхватываю ногами, вцепляюсь в плечи. Меня снова трясёт до одури, но теперь уже точно от счастья.

Я зарываюсь носом в его шею, крепко обнимаю, вдыхаю его запах. Живой. Настоящий. Мой. Наяву.

Халид смеётся, держит меня на руках, как пушинку, и сильно сжимает.

— Тамара! Чёрт вазьми! — говорит он, глядя на меня сияющими карими глазами. — Я поражён! Как вы красиво сегодня одеты! Не то что в первый раз!

Серьёзно? Опять?!

— А что не так с первым разом? — возмущённо смотрю на него.

— У вас было стррррашное платье! — Вибрирует своей «р» с особым удовольствием.

— Отпустите меня сейчас же! — Я начинаю ёрзать у него на руках. — Это было платье в цветах «Ювентуса»! Я для Вас же старалась!

— Да? — Халид делает удивлённое лицо. — Я даже не понял. Настолько стррррашное было!

— Всё! — наигранно отчаянно пытаюсь вырваться. — Я возвращаюсь домой!

— Нет! — Он прижимает меня крепче. — Не пущу!

И целует.

Сначала просто касание. Его губы пухлые и горячие прижимаются к моим. Потом он оттягивает мою нижнюю губу, всасывает, словно пробует на вкус. Пытается узнать. Рассеивает мурашки по всему моему телу, кружит голову, лишает дыхания. И когда я уже почти проваливаюсь в чувственную кому, врывается.

Глубоко, жадно, пылко. Его язык у меня во рту, его вкус заполняет меня, и я понимаю, что сейчас передознусь удовольствием и счастьем.

Я ему рьяно отвечаю, и поцелуй становится горячее. Нежнее. Отчаяннее.

Я таю в его руках, в его губах, в его дыхании. Теряю свою оболочку. Я просто концентрат дофамина.

Он так и идёт к самолёту, не отрываясь от моих губ. Я чувствую каждый его шаг, каждое движение, и меня разрывает от этого. Распахиваю борта тренча и прижимаюсь к нему ближе. Чувствую жар его тела и считаю секунды до момента, когда мы окажемся внутри.

Непредвиденно чувствую толчок в ягодицы. Верчусь на его крепком торсе и ощущаю всю твёрдость и жар, исходящий от своего старого знакомого.

Я отрываюсь от поцелуя на миллиметр и шепчу ему в губы:

— И тебе привет.

— М? — мычит Халид, не понимая.

— Это я дубине, — поясняю заговорщическим шёпотом.

— Бесстыжая развррратница! — рычит он, но в этом рыке столько нежности, что у меня голова ещё сильнее кружится начинает. Я даже представить себе не могла, что способна так

тосковать и испытывать такой кайф от нахождения рядом с человеком. Непередаваемо. Абсолютно!

Халид ставит меня на ноги у трапа, и я наконец-то могу его рассмотреть. Любуюсь его улыбкой, лучезарными тигровыми глазами, мощью, энергией и неприлично-вызывающей восточной красотой.

— Я всё ещё могу убежать, Халид! — предупреждаю я. — Платье было красивое!

— Я догоню, — усмехается он. — Пигалицы быстро не бегают, Тамара!

Цокаю и закатываю глаза.

— Детка, — вдруг серьёзно говорит Халид. — Сразу предупреждаю! Это московский воздух на меня так действует. В Аравии себя так вести нельзя! Даже за руки держаться нельзя!

— Поняла, — киваю я, а сама усмехаюсь про себя.

Московский воздух...

Хороший мой, московский воздух поедет с тобой в любую точку мира!

Халид берёт меня за руку и ведёт по трапу внутрь.

Я тяжело дышу, лицо пылает, губы и щёки покалывает от его щетины, а глаза сами прикрываются от счастья. Хочу запомнить своё состояние. Хочу им насытиться.

Может я сумасшедшая, но почти два месяца разлуки, мои слёзы, бессонные ночи и страдания, стоили этих нескольких минут. Я бы ничего менять не стала. Ничего!

Вхожу в салон и первым делом смотрю на буфет. Стоит на своём месте, лакированный, безмолвный свидетель. Как можно так относиться к предмету мебели? Мне хочется подойти и погладить его. Провести рукой по гладкой поверхности и улыбнуться. Словно это мой старый добрый знакомый.

Халид перехватывает мой взгляд. Качает головой с укором, но уголки его губ предательски ползут вверх.

— Тамара, позвольте представить вам моего адъютанта, — вдруг говорит он на английском официальном тоном. — Абдулла!

Я замираю.

Над спинкой кресла, стоящего прямо перед буфетом, появляется лысая голова. Потом плечи. И наконец мужчина выпрямляется во весь рост и выходит в проход. Одет в тёмно-синее арабское традиционное одеяние и не смотрит на меня. Глаза устремлены к роскошному ковру.

— Госпожа Гулуа, — кивает он.

— Доброе утро, — цежу сквозь зубы, даже не стараясь скрыть своего разочарования.

Глава 10

Лысый Абдулла кивает мне, так и не поднимая своего взора. Настолько добросовестно беречь свои глаза Халиду ещё нужно поучиться у своего адъютанта. И, получив какое-то распоряжение на арабском, Абдулла усаживается обратно на своё место. Это же его он хотел казнить в случае обнаружения моих трусиков?

Что вообще означает «адъютант»? В чём прикол? Не одевает же он его? Ох уж эти арабы...

Медленно, очень медленно поворачиваюсь к Халиду и распахиваю широко тренч, упираю руки в боки и смотрю на него в упор с вызовом. Пусть оценивает, пусть мучается и сожалеет о своих необдуманных решениях!

— Помогите мне раздеться, — говорю я максимально невинным тоном и начинаю неспеша спускать тренч с плечей. — Мне жарко!

Халид прокатывается по мне взглядом. Медленно. Сверху вниз. Задерживается на груди. И я чувствую, как она наливается под его взглядом, как соски твердеют, предательски или, наоборот, победоносно проступая сквозь тонкий спандекс. Он сглатывает, вижу, как дёргается его внушительный кадык.

— Ничего, Тамара! — говорит он, и голос его звучит непривычно хрипло. — В Аравии тоже жарко. Акклиматизируетесь как раз.

Я выгибаю бровь и начинаю снимать тренч сама. Запредельно медленно. Мучительно. Секунда за секундой. Сначала одно плечо, потом другое. Ткань скользит по рукам, по спине, по бёдрам.

— Не знаю, зачем вы взяли с собой своего адъютанта, — роняю я, не глядя на него и переступаю через свой тренч. — Потому что я ненавижу жару. Но и с трупом на борту лететь не хочу!

У Халида начинают ходить желваки. Прямо вижу, как он сжимает челюсть, как борется с собой.

Я про себя смеюсь. Попался, львёночек!

Он подходит к Абдулле. Что-то быстро говорит ему на арабском. Тот кивает, даже не смотрит в мою сторону, и молча переходит в другое кресло. Садится спиной к основным креслам и столам, чтобы не видеть нас. Достает откуда-то огромные накладные наушники, водружает их на голову и старается всем видом показать, что его нет.

Я смотрю на эту картину и чувствую, как внутри разливается довольство.

Грациозно, подобно хищной кошке, иду к своему креслу и сажусь напротив явно недовольного Халида.

Кидаю свою сумку на соседнее кресло, кокетливо закидываю себе ногу на ногу, располагаясь к нему вполоборота, и невинно посматриваю на него.

Вид у него, будто его посадили на строжайшую диету, а я самое лакомое пирожное на столе.

Мы оба молчим. Но это молчание громче любого разговора. Воздух между нами вибрирует, искрит, плавится. Я чувствую каждый миллиметр расстояния между нами каждой клеткой своего тела. И знаю, что он чувствует то же самое. Читаю это по его позе, выражению лица, дыханию. В его взгляде горит огонь невыплеснутого желания.

Облизываю пересохшие губы и вижу, какой эффект это на него производит. Он стыдливо отводит от меня взгляд и вдруг поднимает ладони и начинает что-то читать на арабском. Буквально пару предложений. Я с интересом наблюдаю и про себя смеюсь — наверняка просит Аллаха избавить его от наваждения и порочных мыслей обо мне. От меня не ускользает, как он напряжён, да и мой старый знакомый всё ещё в боевой готовности.

— Что это было? — спрашиваю, когда он заканчивает.

— Я читал дуа, чтобы Аллах облегчил нам путь и сделал нашу поездку благой, — отвечает он с самым серьёзным видом.

Мне становится неловко шутить над таким, и я начинаю рыться в сумке, проверяю документы, карты. Тем временем стюардессы накрывают нам стол, а самолёт уже движется по взлётной полосе.

— Чё-ё-ёрт! — Восклицаю в момент отрыва джета от земли.

— Что такое, детка? — мгновенно реагирует Халид.

— Забыла! — Я хватаюсь за голову. — Фен и зубную щётку!

— Это не проблема, — улыбается Халид. — Не переживайте.

— Проблема! — продолжаю причитать я. — Я без своей щётки не могу! Опять у меня из-за вас мозги отшибло!

Он смотрит на меня с загадочной улыбкой и тянется к своей дорожной сумке.

— Тамара, у меня есть для вас подарок! — Что-то достаёт и прячет за спину.

— Да? — Сияю.

— Угадайте, в какой руке! — Ослепительно мне улыбается.

Я тут же загораюсь. Азарт бурлит, я вся в предвкушении. Что там может быть?

— В правой! — Выпаливаю я.

— Верно! — Кивает Халид. — Левой я бы и не стал дарить. Закройте глаза!

Закрываю. Представляю себе что-то роскошное, совершенно потрясающее. С арабским размахом. Чувствую его прикосновение, и в мою ладонь ложится какой-то лёгкий шуршащий фантик.

Открываю глаза и смотрю. Не понимаю. Какие-то надписи на арабском, а внутри какая-то палочка. Специя? Веточка? Конфета?

И тут до меня доходит.

— Это что, мисвак? — Вскидываю на него полный возмущения взгляд. Ну я, как минимум, рассчитывала на пятикартатник!

— Да! — Сияет Халид. — Вы же забыли свою зубную щётку! Она вам больше не понадобится!

— Это точно, — раскрываю упаковку и нюхаю мисвак. Пахнет имбирём и хреном одновременно. Он реально этим пользуется? Оттого зубы такие белые? Охрененный подарок! Настолько охрененный, что я начинаю истерично смеяться. Халид абсолютно неподражаем и непредсказуем. А Тамара Гиоргиевна раскатала губу...

У меня уже мышцы пресса начинают гореть, а я всё никак не могу успокоиться.

— А откуда вы знаете, что это? — спрашивает Халид, тоже смеясь. Его глаза полны любопытства.

— В хадисах о гигиене читала, — пожимаю плечами.

— Вы читали хадисы? — Изумлённо спрашивает Халид.

— Ну а чем мне ещё было заниматься всё это время? — Усмехаюсь я. — И сборник хадисов прочла, и Коран. Перевод, конечно.

Халид мгновенно становится серьёзным, улыбка сходит с лица, и он смотрит на меня во все глаза.

— Вы шутите, Тамара?

— Нет! — Я смотрю ему прямо в глаза. — Можете у меня что-нибудь спросить. Я отвечу, пока знания свежие.

— Тамара, — выдыхает. — Я поражён. В который раз поражён! Сражён!

Я ему улыбаюсь и веду бровью. То ли ещё будет, Алладинчик!

— И как вам? — Тихо спрашивает он.

— Коран поразил меня примерно так же, как я вас, — честно отвечаю я. — А может, и больше. Наверняка больше!

— В хорошем смысле?

— В хорошем. Я ничего подобного даже вообразить не могла, а читала я много.

— Ма шаа Аллах! — Вырывается у него. — Ма шаа Аллах!

Он откидывается на спинку кресла и смотрит на меня с таким выражением, будто я только что подарила ему луну с неба.

— Тамара, я думал, что не могу быть счастливее, когда Эльдар мне позвонил, — говорит он тихо. — Потом думал, что не могу быть счастливее, когда услышал ваш голос. Десять минут назад думал, что апогей!

Он замолкает. Смотрит на меня. В его глазах столько всего, что слова, в общем-то, и не нужны.

— Но вы... — Качает он головой и вдруг выдыхает с той самой интонацией, от которой у меня каждый раз мурашки: — Чёрт возьми, Тамара!

Я смеюсь. И чувствую, как этот смех разбивает последние стены между нами.

— А я еще прослушала цикл исламского доктора наук по физике из США. Это вообще огонь! — Выпаливаю ему и понимаю, что мне хочется ему столько рассказать и о стольком спросить, что, наверное, месяца не хватит.

— Он этнический иорданец. Вёл у нас в колледже один семестр. Тамара, Вы меня с ума сведёте! — Улыбается Халид и качает головой. Смотрит на меня как-то мечтательно. Будто совсем не верит в своё счастье.

— Думала, что уже, — усмехаюсь.

— Детка, иди сюда, — хлопает Халид по соседнему креслу, и я с радостью пересаживаюсь. Достает свой планшет, разблокирует экран и поворачивает ко мне. — Какая Ferrari вам больше нравится? 812 или Portofino?

Он что, мне хочет Ferrari подарить за то, что я Коран прочла?

— Portofino, — не думая отвечаю.

— Окей! Решено! Подарю Эльдару Портофино! — Радостно заключает Халид.

— Эльдару? — Абсурдность ситуации вводит меня в ступор.

— Да! Он невероятно осчастливил меня! Передал от вас привет!

— То есть... — Я медленно поворачиваюсь к нему. — Эльдару Вы подарите Ferrari, а мне подарили мисвак?

Глава 11

— Могу подарить вам второй мисвак, Тамара! — невозмутимо отвечает Халид. — У меня ещё есть.

Я запрокидываю голову и начинаю ржать, как арабский конь. Слезы льются чуть ли не градом, мышцы пресса горят, а я не могу остановиться.

Я чуть успокаиваюсь, поворачиваюсь к нему, смотрю и понимаю, что не променяла бы наш стиль общения, свой смех, эту гамму эмоций вообще ни на что в этом мире. Ни на какую Fagragi, ни на какой куллинан. Вспоминаю какое-то дурацкое интервью, где спрашивали у девушек: сто миллионов долларов прямо сейчас на счёт или мужчина. Если выбираешь мужчину, то это любовь. У меня даже выбора не стоит.

— Давайте второй мисвак, — улыбаюсь я и раскрываю ладонь.

Он достаёт из сумки ещё один мисвак. Протягивает. Я принимаю его как великий дар. Благодарю глазами, приближаюсь и целую его. Просто так. Чувственный и влажный чмок в губы.

— Большое спасибо, — шепчу я, вкладывая в эту благодарность всё. За то, что он наполнил мою жизнь эмоциями, знаниями, чувствами. За то, что он в принципе есть.

Халид сидит какой-то поражённый. В который раз.

— Только красную Portofino, — отстраняюсь от него и деловито сообщаю. — Классика!

— Ага, — выдыхает он, всё ещё глядя на меня круглыми глазами и беря за руку.

Нам подают завтрак. Я снова беру в руки баночку джема Vonne Maman и смотрю на клетчатую крышечку.

— А вы будете с этой салфеточкой в пустыне ходить? — усмехаюсь я.

Халид улыбается и закатывает глаза, продолжая есть свою йеменскую яичницу.

— Знаете, в пустыне очень сухо, — вдруг говорит он. — Вы не хотите за моей кожей поухаживать, Тамара?

— Хочу, — ухмыляюсь.

После завтрака стюардессы раскладывают нам кресла, но в этот раз не застилают постель. Я встаю, чтобы пойти в уборную, и Халид смотрит на мой комбинезон так, будто я собираюсь пройтись по салону абсолютно голая.

— Детка, — он хватает плед с кресла и накидывает мне на плечи. — В самолёте кондиционеры.

Я хохочу и иду в уборную. Кондионер, видимо, прозвище Абдуллы. Возвращаюсь, и начинается священнодействие.

Косметичка, тюбики, пиала с водой. Халид лежит смирно, как ребёнок, пока я наношу ему маску. Его руки обнимают меня за талию, притягивают ближе.

— Детка, — говорит он расстроено. — Ты похудела. Ты что, совсем не ела?

— Ну... — тяну я. — Я была три недели на диджитал-детоксе в Карелии.

— Диджитал? — он смотрит на меня с непониманием.

— Да. Без телефона, без интернета. Мне надо было отойти от нашего общения, — поясню я, ничего не тая. — Кстати, там я познакомилась с русской мусульманкой. Мы много разговаривали. Я поняла вашу фразу про единобожие, когда мы кошку кормили.

— Почему вы мне не писали? — в голосе Халида появляется боль. — Почему только сейчас? Тамара, я думал, это конец.

— И я была уверена, что конец, — признаюсь я. — Я даже не думала вам писать и обновлять общение.

— А зачем вы тогда интересовались исламом, если думали, что это конец? — Халид смотрит мне прямо в глаза.

Я выдерживаю его взгляд и собираюсь с мыслями.

— Чисто заинтересоваться я смогла только тогда, когда поставила точку в наших отношениях и даже запретила себе надеяться на что-то. Вы обронили фразы, которые не давали мне покоя. В том числе про единобожие. И тот рассказ про Судный день и брови, помните? Интересоваться я начала ради себя, ради знаний. Надеюсь, вы не обижаетесь?

— Нет-нет, что вы! — он качает головой. — Это самое правильное, что я слышал.

Я киваю. Рада, что он понял.

— А ещё я следила за палестинским конфликтом. Сердце разрывается. Где вы были со своими драконами? — Я отшучиваюсь, но в этой шутке столько боли, которую мне совсем не с кем было разделить. — Как помочь этим детям, Халид?

Он притягивает меня к своей груди и начинает нежно гладить по спине.

— Тамара, — выдыхает он в мои волосы. — Я так скучал по вам эти два месяца. Стихи вам писал, только этим и спасался. Я скучал по вашему смеху, по нашим шуткам, по вашему голосу. По вашим прикосновениям. И даже вообразить не мог, что вы всё это время были ко мне ближе, чем я мог себе представить.

Мы так и лежим в обнимку весь полёт. Рассказываем друг другу, как провели эти два месяца. Смеёмся, шепчемся, иногда просто молчим, чувствуя, как бьются сердца в унисон.

— Халид, — вдруг спрашиваю я. — А вы знаете песню Desert Rose? Стинга?

— Детка, — он улыбается. — Конечно. Я её обожаю. Знали бы вы, сколько раз я её слушал за рулём, думая о вас.

Я грустно усмехаюсь. Значит, я всё правильно услышала в том такси.

— А о чём там по-арабски поётся? — спрашиваю я.

Вместо ответа, он начинает напевать мне эту арабскую партию. Тихо, почти шёпотом, совсем как тот певец в моём такси. Невероятно красиво. Я с ума схожу, отстраняюсь от него и заворожённо смотрю на то, как его язык скользит по нёбу, как вибрируют губы. Это кажется самым эротичным, что я видела в жизни.

— Я так давно ищу свою газель, — говорит он, поглаживая меня. — Аль газала у нас считается самым красивым животным. И так обращаются к любимой женщине.

— А джейран — это газель? — улыбаюсь я.

— Джейран — это газель, Тамара. — Он улыбается в ответ и кивает.

Я рассказываю, как услышала эту песню в такси и решила, что это Халид для меня поёт. А потом мне приснился сон. Со всеми подробностями его рассказываю, а Халид слушает его с невыносимой грустью в глазах. И наконец рассказываю, как зашла в телеграм, а он всё удалил.

— Как вы могли? — начинаю ругаться. — Там же наши фото, войсы!

— Я сохранил себе все ваши войсы и все ваши фотографии с видео, — спокойно говорит он. — В момент их получения.

Я ухмыляюсь. Сама делала точно также.

Халид шебуршит в кресле и достаёт свой телефон. Оживляет дисплей и демонстрирует мне. Я смотрю на его обои и начинаю хохотать. Там стоит моя фотография с Санторини. В шляпе. И с голой попой.

— Ах вы, бесстыжий развратник! — Притягиваю его к себе за ворот пижамы и шепчу в губы.

Он не упускает возможности и целует меня.

Глубоко, жадно, неистово. Я таю, отвечаю, растворяюсь в нём. Его руки скользят по моей спине, мои пальцы зарываются в его жёстких густых волосах. Я вжимаюсь в него так сильно, насколько могу, и чувствую, как с каждой секундой желание завладевает моим телом и рассудком.

— Кхм-кхм, — неожиданно сверху доносится.

Халид мгновенно отрывается от меня и накрывает пледом с головой. Прикрываю горящие губы ладонью и посмеиваюсь. Забылись, бывает...

Я слышу, как он встаёт, как говорит с лысым Абдуллой на арабском. Быстро, отрывисто. Потом удаляющиеся шаги и шелест арабского одеяния адъютанта.

— Пустыня отменяется, детка, — говорит Халид, стягивая с меня плед. — Точнее, переносится.

Глава 12

— Почему? — Поднимаю на него полные досады глаза.

Мой голос звучит ровно, но я чувствую, что ещё чуть-чуть, и я могу расплакаться от разочарования. Сколько раз за это время мне снилась пустыня... Да я буквально бредила его песками!

— Вы так хотели в пустыню? — спрашивает Халид, и я вижу, как его улыбка становится мягче.

— Да, — выдыхаю я.

Чувствую себя ребенком, которому единственному не достался подарок от деда Мороза. Я представляла, как мы едем по бесконечным пескам. Как заходит солнце, окрашивая всё в золото и багрянец. Как мы сидим у костра, и он рассказывает мне о звёздах, которые там видны так, как нигде в мире. Как я прижимаюсь к нему, и вокруг только ветер, песок и тишина.

— Детка, — его голос мягкий, почти извиняющийся. — В пятницу поедem в пустыню. Просто отель занят, а я не хочу, чтобы нам кто-либо мешал.

— Ладно, — киваю, но не соглашаюсь. Ну и что, что занят? Я мысленно уже была там. В песках. Под звёздами. Воображала себе бесконечные караваны верблюдов. Бедуинов настоящих хотела увидеть!

— Сейчас мы приземлимся в аэропорту Джидды, проставим вам визу и полетим в другое место, — продолжает он и старается заболтать, замечая мое растроенное состояние. — Этот аэропорт пока не принимает внешние рейсы, поэтому там нет пограничного контроля. Надо только получить разрешение на пролёт и посадку.

— А куда мы полетим? — спрашиваю я, и голос предательски дрожит.

— А не скажу, — улыбается. — Хочу сделать вам сюрприз.

— Я не люблю сюрпризы, — надуваю губы и хмурю брови.

— Ну, вы мне что, не доверяете? — спрашивает тоном, которым говорят с детьми.

— Честно говоря, совсем не доверяю, — бурчу. — Вы великий сказочник!

— Женщина! — Возмущается Халид. — С чего это я сказочник?

— Ладно, — говорю я, не желая развивать эту тему. — Сюрприз так сюрприз.

— Вы не разочаруетесь. Зуб даю! — Халид берёт меня за руку, переплетает пальцы, и я чувствую тепло его рук. Но внутри всё ещё холодно от разочарования. Мне так хотелось увидеть его мир...

— Детка! Смотрите, мы пролетаем Медину, — говорит Халид, призывая выглянуть меня в иллюминатор. В его голосе появляется особая, благоговейная нота. Я смотрю с интересом вниз. Вижу бескрайние пески, разрезанные горными хребтами. — Один из священных городов для нас. Здесь похоронен пророк Мухаммад, мир ему и благословение. Сюда он переселился из Мекки, и именно с этого времени начинается наше летоисчисление.

— Я знаю, — киваю я, заворожённо глядя вниз, пытаюсь разглядеть что-то.

— А когда подлетим к Джидде, будет видна Мекка. Вам туда нельзя, но с воздуха посмотрите, — говорит Халид.

Я чувствую какое-то величие, какую-то древнюю, вневременную тайну, когда мы пролетаем над этой священной для четверти населения мира землёй. Я так много читала последние недели об этих местах, что у меня сердце замирает. Будто здесь мои знания приобретают форму, становятся более полными. И я понимаю, к сухим фактам добавились чувства. Я чувствую благоговейное.

— Эта земля — колыбель религий и небесных посланий, — говорит Халид, и в его завораживающем голосе звучит такая глубина, что у меня мурашки бегут по спине. — Здесь переключается история и будущее. Это прародина мировой культуры и цивилизации. Здесь беду-

инские палатки соседствуют с роскошными дворцами. Здесь живёт народ, у которого учился весь мир, и который научил весь мир.

Он прав. Отсюда всё пошло. Вся наша цивилизация и вся наша культура построена на авраамических религиях, которые зародились именно здесь. Все наши представления о добре и зле, о Боге и человеке — всё отсюда.

Я не отрываясь смотрю в иллюминатор и думаю, что хочу исколесить весь этот регион. И плодородный полумесяц, и Синай.

Мы внезапно приземляемся. Халид предлагает выйти в аэропорт, хотя могут и сюда подняться.

— Нет, давайте выйдем, — говорю я. — Только мне надо переодеться.

— Да, конечно. Тамара, только не оголяйте колени и плечи. Наденьте что-то более закрытое. И без декольте, — строго смотрит на мою грудь.

— Постараюсь, — ухмыляюсь я, и он закатывает глаза.

Первым из самолёта выходит Абдулла. Затем пилот со стюардессами. Халид переодевается в свою белоснежную кандуру — сдержанную, элегантную, но, к моему разочарованию, клубничную салфетку на голову не надевает. Вместо неё его образ завершают вычурные солнечные очки Cartier в пару к моему кольцу. Кошечки у нас одинаковые на аксессуарах.

— Переоденьтесь, я вас подожду у трапа, — говорит Халид и выходит из джета.

Я ныряю в чемодан, который мне предусмотрительно выкатила стюардесса. Ни один из образов я даже не мерила. Платья, накидки, шарфы, я роюсь в шелках, шифоне и льне, пока не наткнулась на что-то особенное. Молочный шёлк с длинными разлетающимися рукавами, отороченными перьями, которые колышутся от моего дыхания. Высокий ворот, закрытая спина и пикантный разрез сзади, делающий платье макси предельно сдержанным и соблазнительным одновременно. И платок в комплекте — тончайший шелк тон в тон.

Подвожу глаза поярче и надеваю платье. Накидываю платок, но часть волос остаётся открытой. Я не готова скрывать их совсем.

Смотрю на себя в зеркало — и застываю.

Я невероятно красивая. Словно сошла с иконы, прости господи! Взгляд не оторвать. Сама на себя смотрю и не узнаю. Во мне столько загадки, тайны, женственности. Наверное, неприлично так на себя пялиться, но я не могу налюбоваться. Единственное, что меня заставляет отлипнуть от своего отражения, желание скорее продемонстрировать себя Халиду.

Надеваю атласные лодочки в тон, беру такую же сумочку, душусь Amouage, который будто создан для этого образа и меня, и выхожу.

Халид стоит у трапа спиной ко мне, и я вижу, как он напряжён. Слышу, как он с кем-то говорит по телефону на арабском. Потом поворачивается и замирает.

Телефон в руке застывает. Рот приоткрывается. Глаза расширяются, и в них отражается всё — изумление, восхищение и почтение. Он смотрит на меня, как на чудо света. Как на женщину неземной красоты. Как на то, что не снилось ему даже в самых смелых мечтах, и я себя именно так ощущать и начинаю.

Понимаю, что всё, что было до этого, все его взгляды, казавшиеся мне горячими, всеобъемлющими, обожающими, не дотягивали до этого взора. Только сейчас он действительно поражён!

Глава 13

Я медленно кружусь перед ним, чувствуя, как платье разлетается и как перья колыхаются от воздуха.

— Ну как я вам?

— Можно я по-русски скажу, Тамара? — говорит севшим голосом и сглатывает. Халид выглядит пришибленным.

— А мы с вами не на русском сейчас говорим? — улыбаюсь я.

— Я охуел, — выдыхает он и тут же закрывает глаза, прижимает руку к сердцу. — Да простит меня Аллах, что я ругаюсь на святой земле! Тамара-а-а!

— Халид! — Заливаюсь смехом! Вот чего-чего, а мата из его уст я не ожидала. И тем более на святой земле.

— Моя мечта только что сбылась, и я этому не рад, — говорит, подходя ближе.

— Почему? — не понимаю я.

— Я мечтал увидеть вас в закрытом. Представлял, какая вы будете. Но я не знал... — Он проводит рукой по лицу, словно пытаюсь стереть наваждение. — А теперь понимаю, что вы в этом настолько красивая... Как грех во плоти! Я ревную вас ко всему свету, Тамара! К каждому живому существу! К мужчинам, которые на вас смотрят. К женщинам, которые будут вас видеть. К этому ветру, который касается ваших волос. Вы самая прекрасная женщина на свете! Мне страшно быть вашим мужчиной! Правда, страшно! Я боюсь не справиться с таким испытанием.

— Ой, Халид, — я счастлива до одури, до мурашек, до слёз, но делаю вид, что вообще не реагирую. — Ну не преувеличивайте! Я обычная уже немолодая женщина.

— Черт вазьми-и-и-и, — бурчит Халид себе под нос и мотает головой. — Пойдемте, машина ждет.

Я иду следом за ним и дышу. Глубоко, полной грудью. И понимаю, что в Аравии мне дышится легко. Удивительно легко. Как будто воздух здесь другой, наполненный чем-то, чего нет нигде.

— Халид, у меня ощущение, что это благодатное место, — делюсь с ним своими первыми впечатлениями на Аравийской земле.

— Тамара, мы недалеко от Мекки. Лучшего места в мире нет! Конечно, вы чувствуете благодать, — как само собой разумеющееся говорит Халид.

Мы садимся в огромный чёрный ЛМС. Машина плывёт по терминалу, но я пока ничего интересного, кроме обилия пальм, не вижу.

Внутри здания нас встречает Абдулла с местным арабом, и нам в доли секунд проверяют паспорта и возвращают с визами.

Мы выходим в зону прилёта, и я сразу понимаю, о чём он говорил.

Я приковываю к себе абсолютно все взгляды. Мужчины видят Халида и тут же отводят глаза, но всё равно успевают на меня поглазеть. Халиду это явно не нравится. Я чувствую, как он напрягается, будто даже становится выше, шире, закрывая меня собой.

Мы направляемся в приватный зал, и пока пересекаем терминал, я с интересом рассматриваю местных.

— Тамара, мне надо совершить молитву, — говорит Халид. — Я оставлю вас с Абдуллой на десять минут.

— Хорошо, конечно. — Сажусь недалеко от Абдуллы за отдельный стол и заказываю кофе со льдом.

Я с интересом продолжаю рассматривать людей. Женщины в чёрных никабах, скрывающих даже глаза. Женщин с открытым лицом, их больше. Встречаются и такие, как я, платок накинут лишь для виду, волосы видны. Есть и те, кто вообще без платка.

Я смотрю на них и пытаюсь понять, как они живут. Что чувствуют. Счастливы ли они?

Они выглядят не забытыми. Не угнетёнными. Они выглядят скорее расслабленными. Очевидно уверенными. И счастливыми тоже. Они разговаривают друг с другом, смеются, что-то бурно обсуждают. Одна кормит ребёнка, другая поправляет платок подружки, третья сидит с чашкой кофе и читает книгу.

Я как в театре сейчас. А ещё здесь очень много паломников со всего мира. И у всех лица такие светящиеся, одухотворённые. Будто они несут в себе что-то, чего нет у других. Нур, о котором часто говорит Халид. Видимо!

Делаю глоток кофе с кардамоном и пытаюсь понять этих людей.

Халид возвращается неожиданно быстро.

— Я понаблюдала за местными, — говорю ему, когда он садится напротив меня. — И у меня сложилось мнение, что женщины тут не угнетены. Конечно, понимаю, что всякое случается. Но в общей массе — нет.

— Тамара, ислам возвеличивает женщин, а не угнетает. — Халид смотрит на меня с улыбкой в глазах, которая делает его ещё красивее. — Он наделил женщин правами задолго до Клары Цеткин. Только подумайте: первый человек, который принял ислам, был женщиной. Это же честь. Первый мученик в исламе — тоже женщина. Это, наверное, ещё большая честь. Одна из первых учёных исламских, передавшая тысячи хадисов нашей умме — женщина. Первый в мире университет открыла женщина-мусульманка. Женщина воспитала и спасла пророка Моисея от гибели. Любимым ребёнком пророка Мухаммада была Фатима — дочь. Деве Марии посвящена сура в Коране. И в Коране есть сура «Женщины», но нет суры «Мужчины».

Халид говорит это с таким достоинством, с такой любовью к своей вере и почитанием к женщинам, что я слушаю, раскрыв рот.

— Аллах возвысил женщину задолго до феминисток, — продолжает Халид. — Есть ли у нас угнетатели и тираны? Есть. Вот только никакого права мусульманами они называться не имеют. Потому что Пророк сказал: «Лучший из вас тот, кто наилучшим образом относится к женщине».

— Да, я читала этот хадис, — соглашаюсь с ним.

— Рай под ногами матери, — добавляет тихо. — А каждая женщина — будущая мать.

Я смотрю на него, на этих женщин в аэропорту и чувствую, как внутри меня что-то меняется. Мой взгляд на мир становится шире, шоры сходят.

— Пойдёмте, вылет одобрили, — говорит Халид, вставая.

Мы проходим в отдельный выход. И вдруг я вижу в очереди на посадку нонсенс! Женщина в чёрной абайе лупит своего мужа сумкой и кричит на него. А тот смеётся, перехватывает её руки и целует.

— А это что за абьюз? — поворачиваюсь к Халиду, широко раскрыв глаза.

— Ма шаа Аллах, — Халид заразительно смеётся. — Вы только посмотрите, как они счастливы, Тамара!

Глава 14

— Но жена же его бьёт! Ей за это ничего не будет? — со скепсисом спрашиваю.

— Ничего не будет! Бьёт, значит, за дело! — уверенно заявляет он. — Он её очень любит! Это видно. И она его любит. Они счастливы. Ма шаа Аллах!

— Я в шоке, — качаю головой, но улыбаюсь. — Думала, такого здесь нет.

— Что вы, Тамара! Наши женщины нами крутят только так! Мужчины это обожают. Вам надо послушать женский арабский рэп! Я вам переведу, и вы сами всё поймёте.

— Женский арабский рэп? Вы шутите?

— Нет, Тамара! У нас есть свои Никки Минаж и Карди Би!

Пока мы едем во внедорожнике до самолёта, Халид включает музыку. Из динамиков льётся что-то знакомое и совершенно незнакомое одновременно. Ритм, бит, напор. И голос женщины — сладкий, но дерзкий, неуступчивый.

— Что она читает? — спрашиваю я со смехом. Я даже и близко себе такого представить не могла.

— «Будешь мне перечить — у тебя будут проблемы», — переводит он, и я начинаю хохотать. — «Подожди, я всё ещё разговариваю с тобой! Сколько ещё тебе объяснять? В день, когда ты встретил меня, я предупредила: посмотришь в сторону — получишь от меня! Я властная! Ты будешь ходить по линейке! Пока ты со мной, ты будешь под моим контролем!»

— Нет, поверить не могу! — ржу и вытираю слёзы.

У меня действительно разрыв шаблонов. Мне всегда казалось, что Халида я привлекла своей непохожестью, раскрепощённостью, а тут оказывается, что я вообще скромница по сравнению с местными...

Когда мы поднимаемся в джет, стюардессы смотрят на меня с каким-то особым почтением. А я и сама чувствую себя королевой. Кажется, кто-то в скором времени сменит имидж...

— А сколько нам лететь? — интересуюсь у Халида при взлёте.

— Полтора часа. Но мы пообедаем как раз.

Мы обедаем, болтаем, смеёмся. И продолжаем смотреть клипы с арабскими рэпершами. Пару треков я даже добавляю в плейлист.

Полтора часа пролетают незаметно, и самолёт вновь заходит на посадку.

Выходим в ультрасовременном аэропорту, я таких не припоминаю на своей памяти. Что там Наталья Львовна сказала про Саудовскую Аравию?

Халид говорит, что нас ждёт вертолёт, и нас подвозят на внедорожнике к, надеюсь, последнему на сегодня средству передвижения.

Нас грузят, и практически сразу мы взлетаем.

— Это Персидский залив? — спрашиваю, видя бирюзовое море.

— Нет, Красное море, — говорит Халид, и я пытаюсь себе в голове нарисовать карту Саудовской Аравии и понять, где мы именно.

Мы летим над водой, и я неотрывно смотрю на воду яркого цвета. За три месяца осени в Москве я настолько отвыкла от сочных красок, что жадно впитываю каждый оттенок.

И вдруг я вижу их. Мы точно в Красном море? Это не Мальдивы? Нет, это не Мальдивы... Другой размах! Арабский!

Я вижу острова с цепочками немислимых строений. Они возникают из воды, как мираж, как видение, как будущее, которое прорвалось в настоящее. Посреди моря развернулась масштабная стройка, и я уже понимаю, что тут будет что-то немислимое. Курорты такого класса, который мир ещё не видел. Мне действительно кажется, что мы перенеслись в будущее.

— Что это? — выдыхаю я, прижимаясь к окну.

— Слышали что-то про Vision 2030?

— Не-е-ет, — отвечаю, не отводя глаз от процесса стройки.

— Vision 2030 — программа принца Мухаммеда Салмана по уменьшению нефтезависимости Саудовской Аравии. Диверсификации её экономики и развитию государственного здравоохранения, образования, инфраструктуры, рекреационной сферы и туризма. Мы как раз воочию наблюдаем за развитием туристической сферы.

— Потрясающе! — заключаю я. — А моя консьержка сегодня сказала, что в Саудовской Аравии средневековье.

Халид смеётся и качает головой.

— Курорт ещё только строится, — продолжает рассказывать мне. — Но уверен, он привлечёт множество туристов со всего мира и реабилитирует имидж арабов, которое похоронило еврейское лобби. Мы — история, и мы — будущее. У нас лучший сервис в мире, богатая культура и наследие. Этот курорт должен стать альтернативой Мальдивам, Турции, Азии. Но самое главное — это имидж. Знаете, я не сторонник Дубайской модели управления, но данный проект меня восхищает. У меня большие надежды на него.

— Дайте сумку! — требую я. — Мне срочно нужны очки! Я хочу всё рассмотреть!

— Тамара, я забыл, что вы не только немолодая женщина, — Халид протягивает мне сумку, — но ещё и слепая!

Я вспоминаю ту арабку в очереди, достаю из сумки футляр от очков и начинаю лупить его со злостью. Достал уже! Он залиvisto смеётся и целует меня куда дотягивается, пока я брыкаюсь.

Ощущаю, что вертолёт начинает снижаться, и я снова припадаю к окну, оставив в покое вредного араба.

Я не верю своим глазам. Просто не верю!

— Халид, что это? — шепчу я. — Я в шоке!

Похоже на Мальдивы. Да! Те же яркие краски, тот же цвет воды. Но строения! Они похожи на космические корабли, приземлившиеся на воду. Будто это колония внеземной цивилизации! Сталь, хром, стекло. Огромные серебристые сферы, похожие на НЛО, парят над бирюзовой гладью. Соединяются изогнутыми мостами, подсвеченными снизу, и от этого кажется, что они парят в воздухе.

— Это курорт Shebara, — говорит Халид. — Он откроется только через полгода. Владелец мой приятель, и нам разрешили пожить здесь в тестовом режиме. Я мечтал сюда с вами приехать!

Я смотрю вниз и чувствую, как сердце замирает. Это не просто отель. Это другой мир.

Вертолёт приземляется, а я нахожусь в совершенно пограничном состоянии. Мой мозг просто не может свыкнуться с тем, что я действительно это вижу. Цвета настолько яркие, а строения настолько потрясающие, что я теряюсь.

— У меня нет слов, Халид, — шепчу ему, когда мы едем на гольф-каре до собственной виллы на воде.

— А говорили, что не любите сюрпризы, — улыбается мне, а во взгляде чувствуется укор.

— Беру свои слова обратно!

Гольф-кар останавливается в самом конце моста и высаживает нас у крайней сферы. Вблизи они ещё более впечатляющие. Единственное, что меня расстраивает, что это не наш медовый месяц. Идеальнее места я себе представить не могу. И не понимаю, что будет способно перебить этот безумный отель?

Портье открывает дверь из какого-то совершенно роскошного красного дерева, и я действительно оказываюсь внутри космического корабля. Футуристичные округлые формы, мебель хай-тек. От хромированного бара я вообще теряю дар речи. Бассейн во всю длину террасы, меня поражает каждая деталь. Я ошеломлена. Портье выходит, я подхожу к столу и рас-

сматриваю комплементы от отеля и не знаю, как подобрать слова, чтобы поблагодарить Халида. Кажется, что чего бы я ни сказала, всё будет недостаточным.

— Детка, Вам нравится? — отрывает меня от заготовки речи Халид.

— Я в шоке! Это лучшее, что я когда-либо видела. Мне кажется, что мы с вами улетели на другую планету!

— А я часто об этом думал, — улыбается Халид. — Хорошо, тогда располагайтесь, погрызьте мисвак, а я пока заселюсь в свою виллу.

Глава 15

Так значит, ну ладно...

— И где ваша вилла? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Соседняя, — кивает Халид.

— Буду иметь в виду, — открываю ему дверь и выпроваживаю.

Он улыбается и выходит.

Я остаюсь одна. Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что не могу поверить своим глазам. Кожаные стены, изогнутые, как внутренность раковины. Огромные панорамные окна, из которых открывается вид на бесконечное море. Обстановка поражает воображение.

И тут меня накрывает.

Мама!

Я же наврала ей про Дубай. А теперь сижу в этом космическом великолепии и умираю от желания поделиться.

Достаю телефон, включаю камеру и медленно прохожу по вилле, снимая каждую деталь. Огромную кровать, похожую на облако. Хромированный бар, от которого я теряю дар речи. Террасу с бесконечным бассейном, сливающимся с морем.

Скажу, что из Дубая рванула сюда, — решаю я. — И про Халида всё равно рассказывать придётся. Рано или поздно.

Натыкаюсь на пульт управления. Кнопки, сенсоры, какие-то рычажки. Нажимаю наугад.

Двери на террасу разъезжаются с тихим шорохом. Кондиционер включается, выключается, меняет температуру. Где-то за спиной начинает играть музыка. Я хохочу.

Если бы меня привезли сюда лет в десять, я бы точно сошла с ума. Да я и сейчас схожу.

Подхожу к бару. Хромированный, космический. Внутри аккуратные ряды бутылок. Ликёры, пиво, вино, шампанское. Всё с пометкой «халяль». Значит, безалкогольное.

Смотрю на полку с закусками. Орешки, чипсы с трюфелем... и кола. Обычная. Красная, классическая, с сахаром.

Хватаю телефон, пишу:

Я: «Халид! Тут нет кока-колы без сахара!»

Отправляю и наливаю себе бокал розового вина. Делаю глоток. Ну, сносно.

В принципе, с такими халяльными ништяками я действительно могу отказаться от алкоголя навсегда. Не так уж и страшно.

И сразу же осознаю, что с Халидом всё настолько ярко, что я готова рядом с ним пить обычную воду всю жизнь. Даже не Acqua Rapna, а Acqua Minerale.

Он стоит любых жертв. Да и не жертвы это вовсе.

Иду в санузел. Большая ванная и огромная душевая со скамеечкой. Захожу внутрь, рассматриваю.

— Насколько тут удобно заниматься сексом, — говорю себе и начинаю смеяться.

Туалетные принадлежности — всё, что душе угодно. Шампуни, гели, масла. Нюхаю каждую баночку. Открываю каждый ящик. Есть всё, кроме зубной щётки. Какой Халид предусмотрительный.

С интересом достаю из своей сумки мисвак. Вынимаю из упаковки, разгрызаю, как он и говорил. Начинаю чистить зубы.

Вкус — на любителя. Но когда я полощу рот и провожу языком по зубам, понимаю, они невероятно гладкие. Как после профессиональной чистки в первый день.

Классно.

В дверь стучат. Я иду открывать.

На пороге стоит Халид. С бутылкой кока-колы зеро в руке и ослепительной улыбкой.

— Мистер Асад, вы скоро! — Я ухмыляюсь.

— Могу войти?

— Заходите.

— Я уже соскучился, — говорит с таким трепетом, что у меня сердце сжимается.

— Сами отселились, — пожимаю плечами.

— Я не хочу вас смущать. Хочу, чтобы вам было комфортно.

— Ценю, — говорю и смотрю на него с вызовом. — Чем займёмся?

— А вы чем хотите? — спрашивает он.

Я не отвечаю. Просто смотрю на него. Долго. Пристально. Так, что ему становится неловко.

Он переминается с ноги на ногу, отводит глаза, потом снова смотрит на меня.

— Тамара?

А я молчу и улыбаюсь. Пусть помучается.

— Я планировала разобрать вещи, — наконец говорю, выдерживая паузу.

— Угостите меня вашей сигаретой? — спрашивает Халид. Явно нервничает, места себе не находит. Не знает, как себя вести.

— А я больше не курю.

— С каких пор? — Он поднимает бровь.

— С нашей последней переписки, — говорю я. — Когда я вас заблокировала.

— И не пью. С Турина, — демонстрирую ему бокал с безалкогольным вином.

— Почему? — Он смотрит на меня с интересом.

— Харам, — улыбаюсь я.

— А я курил по пачке в день, — Он вздыхает, проводит рукой по лицу.

— Халид, вы же верующий человек, — качаю головой и смотрю на него с предсуждением.

— Ну, Тамара, это не так работает. — Он усмехается. — Почему-то люди, далёкие от религии, думают, что у верующих есть какой-то... как это называется? — Он показывает на пульт управления.

— Тумблер?

— Окей, как и на английском. Да, тумблер. Люди думают, что у нас есть такой тумблер, который автоматически отключает все слабости. Это не так.

— А как? — Я подхожу ближе.

— Это борьба с самим собой. Ежеминутная, ежечасная. Но когда от чего-то отказываешься, пусть даже незначительного, легче перейти на новый уровень. Степень веры может возрастать и уменьшаться. — Он смотрит на меня с благоговением. — Вы, к примеру, сподвигли меня отказаться от азартных игр. Это огромный шаг.

— Делайте следующий шаг, — говорю я. — Отказывайтесь от сигарет.

— Уже отказался, — улыбается он.

Я открываю чемодан и начинаю выкладывать на кровать свои наряды. Шёлк, шифон, струющиеся ткани переливались в мягком свете.

— Тамара, это что, ваша одежда? — Халид смотрит на всё это великолепие с восхищением.

— А на что это ещё похоже?

— Я поражён, — он качает головой. — Не ожидал.

— Но я же знала, куда еду, — пожимаю плечами. — Да и признаюсь, мне очень идёт.

— Не думал, что у вас есть абайи, — тихо говорит он.

— У меня их и не было, — смеюсь я. — Вчера купила. За пять минут до закрытия магазина.

— А откуда в России такие вещи? — Он всё ещё не может оторвать взгляд.

— Халид, в России проживает почти сорок миллионов мусульман. Какое население у Саудовской Аравии?

— Двадцать семь миллионов, — отвечает он.

— Ну вот видите! В России больше.

— Никогда об этом не задумывался! — Он смотрит на меня с новым интересом.

— Ну как? Кавказ, Татарстан, Башкортостан! Крым частично, — перечисляю я.

— Вы такая умная! — Выдыхает он.

— Вам кажется, — отмахиваюсь я. — Просто у нас с вами знания в разных областях.

— Нет, — качает головой. — Самая мудрая женщина, которую я встречал!

— Ну, если все ваши знакомые женщины похожи на Марьяну, не удивительно!

— Тамар-ра! — Рычит Халид. — Я больше с ней не дружу. Я вообще больше ни с одной женщиной общаться не могу. Только с мамой и сестрой.

— А я вам не запрещаю, — победоносно улыбаюсь. Зачем ему общаться с женщинами? Меня более чем достаточно.

— Вы знаете, мой прадедушка умер от рака желудка, — говорит он вдруг. — И он любил обычную колу.

— Обычная кола — харам, — серьёзно говорю я. — Я же говорила!

— Надо вынести фетву, — залиvisto смеётся. Смотрит на часы, вздыхает. — Пора на ужин.

— Выйдите, мне надо переодеться, — говорю я.

Он уже берётся за ручку, когда я останавливаю его.

— Халид, а вы уже успели посмотреть кровать?

Он заливаётся румянцем. Прямо краснеет, как пубертатный мальчишка.

— Успел, — говорит тихо. — Большая.

— Не в этом дело! — смеюсь я. — Спинка опасная! Я могу получить второе сотрясение, если будете меня смешить!

— Тамара! — выдыхает он. — Чёрт вазми-и-и!

Я снова захлопываю дверь перед его носом. Дозирую себя. Пусть скучает и мучается.

Надеваю чёрное шёлковое платье. Струящееся, с высоким воротом, длинное. Поверх — такую же чёрную накидку. Роскошно.

Смотрю на себя в зеркало и на секунду замираю.

— Ну я же действительно жена будущего правителя, — говорю себе и смеюсь. Это определённо мой стиль. Сразу статная, шикарная, загадочная.

Выхожу. Халид уже ждёт в гольф-каре. На улице закат такой красоты, что у меня перехватывает дыхание. Солнце садится прямо в море, окрашивая воду в золото и пурпур. Хромированные ракушки вилл отражают свет, превращаясь в горящие драгоценности.

Халид смотрит на меня. Ничего не говорит. Но я вижу, как он восхищён, и ради этого взгляда хочется стараться ещё больше.

Приезжаем в японский ресторан. Я заказываю сашими. Халид — рыбный бульон.

Он снова рушит все мои планы. Я хотела накормить его морскими гадами, чтобы он сходил с ума от бешеного либидо, а он бульон заказывает.

— Халид! — возмущаюсь я. — Вы мужчина! Вам нужен белок, жиры, микроэлементы, а вы бульон заказываете?

— Ну, это же полезно! — не понимает он.

— Чем? Супы — еда бедняков. Никакой пользы.

— Как это? В каждой национальной кухне есть суп.

— Правильно, потому что это еда для выживания, — объясняю я. — Национальная кухня любого государства направлена на выживание, а не на пользу. Ну, разве что наши ненцы и якуты правильно питаются.

— Кто? — он смотрит на меня с удивлением.

— Народы севера России. Едят оленину и сырую жирную рыбу.

— И что мне заказать? — он уже сдаётся.

— Мяса тут нет, — пожимаю плечами. — Поэтому морепродукты.

— Тамара, я же вам говорил, что не ем непроверенную пищу, — напоминает он.

— Халид, вся пища из моря халяль, — говорю я уверенно. — Я об этом буквально на днях читала. К какому вы мазхабу относитесь?

— Что? — он смотрит на меня с таким лицом, будто я заговорила на китайском.

— Ну, вы говорили, что вы суннит, — терпеливо объясняю я. — Только ханафитский мазхаб запрещает есть крабов и раков. Но более правильное мнение, что всё из моря халяль.

Он сидит, глядя на меня с шоком.

— И кто из нас ещё улем? — наконец выдаёт он.

— Я просто начала изучать всё с бытовых тем, которые меня интересуют, — пожимаю плечами.

Знали бы вы, насколько досконально я изучила вопросы секса, — думаю про себя, но вслух не говорю.

Заказываю ему морепродукты сама.

— А мороженое? — спрашивает Халид. — Там же сахар, а вы его едите.

— Помимо сахара, там жиры. Они нейтрализуют сахар. Это лучший десерт.

— Знаете, когда я стану правителем, я назначу вас министром здравоохранения! — С восторгом говорит Халид.

— Министром? Заманчиво! — Улыбаюсь, делая глоток безалкогольного белого вина.

— Да! Я Вам абсолютно доверяю!

— Я не против, уж постарайтесь им стать, — улыбаюсь.

— Ради такого министра непременно, — мечтательно произносит Халид.

Нам выносят еду, я беру ложечку и кормлю Халида икрой морских ежей, которых он так хотел попробовать.

— Это те самые, от которых ты отравилась? — уточняет он.

— Те самые, — улыбаюсь я.

— Я их люблю безумно! — С восторгом говорит Халид.

— Да, у ежей вкусная икра.

— Не в этом дело, после того, как Вы ими отравились, Вы наконец стали со мной общаться!

Я смеюсь и понимаю, как же он бедный мучился и не знал, как ко мне подступиться все эти месяцы.

После ужина мы пешком возвращаемся на виллу, прогуливаясь по этому чуду острову. Молчим, нам и так хорошо.

— Спокойной ночи! — говорю я, расцепляя руки у своей ракушки.

— Уже? — недоумевает Халид.

— Не хочу вас искушать!

— И даже не поцелуете на прощание? — Смотрит на меня с такой тоской, что мне его жалко становится.

— Нет! Аравийский воздух на меня благотворно влияет! — Улыбаюсь и быстро скрываюсь на своей вилле.

Прислоняюсь к двери и смеюсь. Он, наверное, сейчас в шоке и не может пошевелиться.

Телефон вибрирует в сумочке. Достаяю.

Mr. Asad: «Тамара, ну мы можем хотя бы попереписываться?»

Я: «Можем, но я хочу спать», — отвечаю, давась от смеха.

Mr. Asad: «Хорошо, тогда до завтра, хабибти! Мне надо молитвы всё равно совершить».

Я: «До завтра».

— Бедняга! — Произношу в пустоту и иду умываться.

Смываю макияж, принимаю душ в кабине для утех и ложусь в кровать.

Сразу же понимаю, что уснуть не смогу. Ворочаюсь.

Слишком много впечатлений сегодня! Слишком много его рядом, слишком много всего. Мозг перевозбуждён. Да и не только мозг. Я от морепродуктов тоже перевозбудилась.

Смотрю через стеклянную стену наружу. Там звёзды светят, бассейн горит подсветкой, море плещется где-то внизу.

Надо закрыть шторы. Надо попытаться уснуть.

Но я смотрю на воду и понимаю — хочу плавать. Очень хочу.

Встаю с кровати и понимаю, что купальник я не взяла. Я же в пустыню собиралась...

Бегу в санузел, там я видела пляжные принадлежности. Роюсь, сумки, полотенца, даже классные сандалии, но купальника, естественно, нет.

Перебираю своё белье, я ничего базового не взяла. А кружева и шёлк от морской воды испортятся.

Да всё равно никто не видит! Выхожу на террасу абсолютно голая.

Вода в бассейне тёплая, ласковая. Я погружаюсь целиком, переворачиваюсь на спину, смотрю на звёзды.

Классно. Но не то.

На столе лежало предупреждение, что нырять из виллы нельзя, только по лесенке спускаться в море. От этого хочется нарушить запрет ещё отчаяннее.

Я встаю на край. Смотрю вниз. Вода мерцает, звёзды отражаются, волны тихо плещутся о сваи.

Зажмуриваюсь и ныряю.

Адреналин выбрасывается в кровь, сердце колотится, но вода тёплая, ласковая, невероятно солёная. Я вынырываю, отфыркиваюсь и чувствую себя совершенно свободной и счастливой.

— Тама-р-р-а-а-а?! — Слышу голос Халида, полный паники. — Вы что, совсем безрассудная женщина! Здесь же акулы! И джины...

Глава 16

— Джинь? С удовольствием загадаю желание!

— Тамара! — кричит он со своей террасы, и я слышу в его голосе не просто панику, а настоящий ужас. — Я не шучу! Джинов ночью за пределами дома очень много! Особенно в воде!

Я переворачиваюсь на спину и медленно плыву по лунной дорожке, люблюсь звёздами, до которых рукой подать.

— И что? — кричу я. — Алладин у меня есть, только джина не хватает!

— Тамара, это не смешно! Он может влюбиться в вас, и всё!

— Кто? — переворачиваюсь на живот и плыву к нему, расплываемая интересом. — Джин? Влюбиться?

— Вы никогда не слышали про Джиннуль-'ашикь? Влюблённого джина?

— Нет. Ну и влюбится он, и что дальше? — стараюсь разговаривать с ним серьёзным тоном, но вот-вот захлебнусь от сдерживаемого смеха.

— И вы меня возненавидите! — в его голосе уже не паника, а отчаяние. Он мечется по террасе, я вижу его силуэт, разрывающийся между желанием прыгнуть за мной и надеждой, что я послушаюсь. — Он всё для этого сделает, чтобы не отдавать вас мне!

Я останавливаюсь, вижу его белый крепкий силуэт на фоне виллы и люблюсь. Такой глупыш... И такой мой.

— Халид, — говорю я спокойно и отплываю обратно, — ни один джин не заставит меня вас возненавидеть. Тем более моё сердце уже занято. И тело тоже.

— Кем?! Тамара, куда вы плывёте? — продолжает разводить панику Халид.

— Вами! — кричу я, отплывая дальше и дальше. — Кем же ещё?!

— Тамара, сейчас же выходите из воды! — командует он. В его голосе появляются властные нотки, но я слышу, как они дрожат.

— И не подумаю!

— Тamar-р-р-р-а! Вы обещали слушаться меня!

— Не припомню такого, — отвечаю и хохочу.

— Тамара! Что мне сделать, чтобы вы немедленно вышли на берег? — кричит Халид с мольбой в голосе. Я вижу, как он носится по краю бассейна, как вглядывается в темноту, пытаюсь разглядеть меня.

— Ну, явно не подарить третий мисвак, — заливаюсь смехом, хватая ртом солёную воду.

— Тамара! Я Вам подарю всё что угодно! Хоть этот остров! Умоляю, вернитесь обратно! Что Вы хотите?

— Халид, это же очевидно! Поплывать!

Вода тёплая, гладкая, как шёлк. Лунная дорожка мерцает, звёзды отражаются. Кайф невероятный, и он хочет меня этого лишить?

— Тамара! В Красном море очень много акул! Вас могут разорвать! — в его голосе уже неприкрытый страх.

— На всё воля Аллаха, Халид! — кричу я, не оборачиваясь.

— Йа Аллах! — слышу его отчаянный крик. Он бьёт кулаком по ограде, я слышу глухой удар. — Зачем ты послал эту женщину в мою жизнь! Она сведёт меня с ума!

Я смеюсь и слышу громкий всплеск воды. Он прыгнул. Не раздумывая, не снимая кандуры.

Оборачиваюсь. Халид плывёт ко мне кролем. Мощно, быстро, как подводная лодка. Вода расступается перед ним, брызги летят во все стороны.

— Халид! — кричу ему. — Вы сейчас своими громкими гребками всех акул в Красном море к нам привлечёте!

— Тамара! — отфыркивается Халид и тут же переходит на брас. Решаю его дожидаться и неторопливо перебираю ногами, удерживаясь на одном месте.

Он подплывает, тяжело дыша. Вода стекает по его лицу, волосы прилипли ко лбу, глаза горят.

— Ну скажите же: кайф! — говорю я, когда он оказывается рядом.

— А вы знаете, что «кайф» — арабское слово? — выдыхает он, пытаясь отдышаться.

— Сейчас узнала, — улыбаюсь.

Он сокращает расстояние между нами. Я начинаю чувствовать жар его тела даже через воду.

— Халид, держите дистанцию! — предупреждаю я. — Я голая!

Он замирает. Его глаза расширяются, зрачки темнеют. Я вижу, как его взгляд опускается, как он пытается разглядеть что-то сквозь воду, и сразу же поднимает глаза обратно, к моему лицу.

— Как голая? — голос срывается.

— Абсолютно! — ухмыляюсь.

— Тамара! — в его голосе ужас и восхищение одновременно. Он сглатывает, я вижу, как дёргается его кадык. — Вас же видят рыбы и джины!

— Главное, чтобы Вы не увидели! — заливаюсь смехом.

Он резко подпрыгивает ко мне и хватает меня, прижимает к своему телу. Я чувствую, как он дрожит — от холода, от желания, от того, что я с ним делаю. Его кандура намочена, прилипла к телу, и я чувствую каждый мускул его тела. И его член — твёрдый, горячий, как нельзя кстати, упирается мне в ягодицу.

Мы смотрим друг другу в глаза. Тяжело дышим. В его взгляде — всё: желание, страх, нежность, отчаяние, и я тону в нём.

— Вы специально? — выдыхает мне в губы.

— Не-а-а-т, — улыбаюсь. — Была уверена, что вы уже спите.

— Вы могли просто прийти ко мне, Тамара...

— Зачем?

— Чёрт возьми, Тамара! Я что, всё вслух должен говорить? — его голос срывается на рык, но в этом рыке — мольба.

— Да...

— Ты меня с умаводишь, женщина, — произносит так эротично, что у меня мощный поток крови приливает к низу живота. Его глаза чернеют, зрачки расширены так, что янтаря почти не видно.

— Вам просто надо беречь свой взор, — произношу в миллиметре от его горячих губ, — и половые органы, Халид!

— Не могу! — жалобно вздыхает. — Не получается!

— А вы постарайтесь! — шепчу ему севшим от возбуждения голосом.

— Не хочу стараться, хочу вас!

— А я нет, — отдаляюсь от его губ.

— В смысле нет, Тамара-а-а-а? — вопит. — Что Вы такое говорите! Скажите «да»!

— Я вам уже сказала «да», ничем хорошим это не закончилось! — хитро на него смотрю.

— И что теперь будет?

— Не хочу Вас больше подвергать риску и склонять к греху, — шепчу и улыбаюсь. — А Аравийский воздух мне благоволит, не забывайте!

Халид тяжело вздыхает. Его руки на моей талии напряжены, но он даже не смеет пошевелить ими. Я чувствую, как дрожат его пальцы, как он сжимает челюсть, как борется с собой.

Я расслабляюсь с его поддержкой в воде, прикрываю глаза, наслаждаюсь мерным звуком прибоя и начинаю бесстыже тереться о его член через мокрую ткань кандуры. Бёдра сами двигаются, находят ритм.

Он стонет. Тихо, сдавленно, будто пытается удержать этот звук внутри. Я раскрываю глаза, приближаюсь к его губам.

— Халид, а это грех? — шепчу я.

— Что вы делаете? — выдыхает он, и в его голосе уже нет сил сопротивляться.

— Добываю об вас оргазм.

— Вот так? — его голос срывается на хрип.

— Да-а-а, — стону я ему в рот.

Возбуждение накрывает с головой. Мне достаточно его тела, его запаха, его дыхания. Беру его руку, кладу себе на грудь.

— А это? — шепчу я.

Он сжимает, гладит большим пальцем сосок. Я выгибаюсь, вжимаюсь в него сильнее.

— Вы грех, Тамара, — говорит он хрипло. — Но я готов ради вас гореть в аду.

— А я не готова на такие жертвы! — выдыхаю я. — Я хочу, чтобы всё было правильно.

И всё равно медленно опускаю руки, задираю его мокрую кандуру. Обнаруживаю, что он без трусов. Прижимаюсь к нему. Головка члена скользит по моему животу, потом ниже, по лобку, и я выгибаюсь, ловлю её, направляю туда, где всё горит.

Она касается клитора. Я чувствую каждую бороздку, каждый миллиметр его крупной горячей бархатистой головки. Она скользит по моей влажной, опухшей плоти, и я понимаю, что даже вода не смыла меня. Я текучая, мокрая, готовая и очень горячая.

Он не выдерживает и целует меня. Его губы солёные от моря, но под солью его вкус. Сладкий, пряный, с нотой кардамона и чего-то неуловимо восточного. Я втягиваю его, как наркотик. Наши языки встречаются, сплетаются, и я чувствую, как каждая клетка моего тела загорается.

Его руки на моей спине, прижимают меня так, что между нами не остаётся воды. Моя грудь упирается в его мощный торс, соски трутся о мокрую ткань, и это сводит с ума. Я чувствую его член у своего влагалища, чувствую, как он пульсирует, как ждёт. Безумно хочется опуститься, впустить, заполниться. Я почти делаю это. Почти.

Но я держусь.

Я целую его снова, глубже, отчаяннее. Мои пальцы хозяйничают в его волосах, его язык у меня во рту. Я отстраняюсь на миллиметр, смотрю в его глаза, в которых уже нет ничего, кроме желания.

— Не сейчас, — шепчу я. — Не сегодня...

Он смотрит на меня. Его глаза горят, дыхание рваное, руки на моей талии дрожат. Он делает усилие, которое я вижу: желваки ходят, челюсть сжата, мышцы напряжены до предела. Я чувствую, как он борется с собой, как его тело кричит «да», а разум заставляет ждать.

Он кивает. Один раз. Коротко, резко. И сжимает меня так, будто я могу исчезнуть, если он ослабит хватку.

Я продолжаю двигаться. Головка его члена скользит по клитору, по губам, и я нахожу нужный для себя ритм, от которого внутри всё сжимается и пульсирует. Он ласкает мои соски, сначала нежно, потом жёстче, и я стону ему в рот, он глотает мой стон, возвращая его мне поцелуем.

— Рухи, — шепчет он. — Хаяти. Хабибти.

Я знаю эти слова теперь. Моя душа. Моя жизнь. Моя любимая.

Я смотрю на звёзды над нами и чувствую, как волна нарастает.

— Удивительный арабский воздух, — шепчу я ему в губы.

Обхватываю его крепче, усиливаю напор, напряжение, прижимаюсь всем телом и кончаю. Головка его члена замирает у самого входа, я сжимаюсь вокруг пустоты, но этот оргазм слаще и интенсивнее, чем от проникновения.

Он кончает следом. Без контакта, без особой ласки. Просто от меня, от того, как я стону, от того, как моё тело содрогается в его руках.

Он хрипит, сжимает меня так, что не вздохнуть, и целует мои скулы, веки, уголки губ.

— Тамара, — выдыхает он, — как вы это делаете?

— Что? — шепчу я, всё ещё дрожа.

— Со мной такое впервые.

Я смотрю ему в глаза. В них отражаются звезды, луна, море. И я.

— Просто Всевышний наградил вас вашей женщиной, Халид, — говорю я.

Придя в себя, мы плывём обратно. Молчим. Я чувствую, как он всё ещё дрожит и не может отдышаться.

Подплываем к лесенке моей виллы.

— Поднимитесь, — говорю я. — Принесите мне халат. Я не могу так выйти.

Он смотрит на меня и кивает. В его взгляде сейчас — желание, которое он только что утолил, и желание, которое уже просыпается снова.

Быстро взлетает по лесенке, исчезает на моей вилле. Через минуту возвращается с пушистым белым халатом.

Я кутаюсь в него, утопая в мягкой ткани.

— Спасибо, — выдыхаю я и поднимаюсь с его помощью. — Мне нужно принять душ.

— Да, — говорит он. — Мне тоже.

Мы стоим друг напротив друга. Молчим. Вода капает с его волос, стекает по лицу. Я вижу, как он смотрит на меня и не может наглядеться.

— Спокойной ночи! — говорю я и захожу к себе.

— Спокойной ночи! — Он кивает и уходит. Медленно, будто не хочет уходить. У своей виллы оборачивается, смотрит на меня, явно ждёт, что я его позову, но я закрываю дверь.

Снова прислоняюсь к ней спиной. Сердце колотится, дыхание не выравнивается. Надо в душ. Надо смыть с себя соль и его запах, который вьелся в кожу.

Иду в ванную, включаю воду. Горячую, почти обжигающую. Стою под струёй, смотрю, как вода стекает по телу, унося с собой остатки безумного и почти непорочного секса, и смеюсь от счастья и странного удовлетворения.

Намыливаюсь гелем, смываю. Ещё раз. И ещё. Пока не перестаю чувствовать его прикосновения на своей коже.

Выхожу, наношу лосьон, втираю его отчаянно, пытаюсь заглушить мысли и непроходящее желание. Надеваю шёлковую невесомую сорочку, а поверх длинный халат-кимоно, золотистого цвета. Тяжёлый шёлк приятно холодит разгорячённое тело.

Расчёсываю мокрые волосы, смотрю на себя в зеркало. В глазах всё ещё стоит звёздный свет, а на губах ощущается его вкус.

Выхожу в спальню.

И замираю.

Халид лежит на моей кровати в своей белой пижаме.

— И как вы тут оказались, молодой человек? — Стараюсь спросить строгим тоном и выгибаю бровь. — Идите к себе!

Он медленно поворачивает голову. Смотрит на меня. И в этом взгляде столько власти, что у меня язык немеет.

— Женщина, — говорит он тихо, но в его тихом голосе слышится такая сила и мощь, что я моментально покрываюсь мурашками. — Вы сегодня слишком много командуете. Я буду спать здесь!

Я открываю рот, чтобы возразить. И закрываю. Потому что в его глазах не просьба. Не мольба. Это решение, и оно не подлежит обсуждению.

И я чувствую, что не хочу спорить. Не могу. Не должна. Не сейчас.

Он приподнимается на локте, смотрит на меня. Ждёт.

Я медленно подхожу к кровати. Смотрю на него и застываю под его взглядом.

— Сними халат, — приказывает он.

— Халид, вы же сказали, что будете здесь спать...

— Я и буду, — его голос ровный, спокойный. Мальчишка остался у него на вилле. — Снимай. Я хочу чувствовать тебя.

Глава 17

Я просыпаюсь с первыми лучами солнца. Так сладко, спокойно и что удивительно комфортно я давно не спала. На душе штиль, нет тревоги, нет противного липкого чувства, что меня снова ждёт сожаление и копание в себе. Только предвкушение нового дня. С ним.

Лениво распахиваю глаза.

Халид смотрит на меня, не отрываясь. Лежит на боку, подперев голову рукой, и просто смотрит. Я даже не знаю, сколько он так пролежал. Минуту? Час? Всю ночь?

Прищуриваюсь от солнечного света с непривычки и стараюсь ему улыбнуться. Понимаю, что мне это несвойственно, и я с самого утра в прекрасном расположении духа.

— Женщина, — говорит Халид торжественно. — Вы меня бессовестно обманули!

У меня сердце ёкает. Мозг мгновенно просыпается, и я начинаю прокручивать в голове все свои возможные косяки. Что я ему могла по дурацки ляпнуть не того?

— В чём? — спрашиваю я осторожно.

Он тянется к моим волосам, подхватывает локон и наматывает на палец.

— Вы не грузинка! — объявляет он. — Вы кудрявая еврейка! А потому я на вас ни за что не женюсь, Тамара!

Я смотрю на его серьёзное лицо и пытаюсь понять, он шутит или что? По его взгляду никак понять не могу.

— Халид, — говорю я медленно. — Вы сейчас шутите?

— Нет, детка! Я абсолютно серьёзен! — Он делает максимально строгое лицо. — Моя семья вас никогда не примет! Они будут в шоке от моего выбора!

На последних словах уголок его губ подрагивает, я хватаю подушку, чтобы припечатать его за эту дурацкую шутку, но он вырывает её из моих рук, резко дёргает меня на себя и усаживает сверху, обречённо вздыхая.

— Даже еврейку люблю, — бормочет он, утыкаясь носом в мои кучерявые из-за морской воды и отсутствию укладки волосы.

Я смеюсь, уткнувшись ему в грудь, и чувствую, как он целует мои волосы.

И тут я понимаю. Он опять твёрдый. Всю ночь я чувствовала, как его член упирался мне в спину, в ягодицы, в поясницу. Я старательно делала вид, что не замечаю, но сейчас, когда мы лежим лицом друг к другу, отрицать невозможно. Он смотрит на меня, и в его глазах опять желание, голод и ожидание.

Щетина за ночь вылезла, делает его мужественнее, взрослее, опаснее. И от этого у меня всё внутри сладко сжимается, но надо держать себя в руках.

— Я сдавала генетический анализ. Нет во мне еврейской крови, Халид. Я гой, — смеюсь и медленно скатываюсь с него, сажусь на край кровати, накидываю халат. Слышу, как он выдыхает — то ли с облегчением, то ли с разочарованием.

— То есть препятствий нет? — Улыбается Халид.

— Есть, — обламываю его и тут же обнадеживаю. — Но они разрешимые.

— Ин шаа Аллах, — с надеждой произносит Халид.

— Давно не спите? — Спешу скорее перевести тему.

— Давно. Я проснулся на фаджр*, принял душ, позанимался спортом.

*Фаджр — утренняя молитва.

— Вы действительно молитесь пять раз в день? — Спрашиваю с интересом. Для меня это что-то за гранью возможного.

— Да.

— Всю жизнь?

— Нет, были периоды, когда я забивал. И в это время меня моя жизнь полностью переставала удовлетворять. После ваших слов о том, что я лицемер, я задумался и с тех пор не пропускаю. Так что вы действительно моя награда, Тамара.

От этих слов у меня на душе становится ещё спокойнее и теплее. Не знаю, как это работает, но я бесконечно уважаю его за смирение. Если выбрал путь, то надо его придерживаться, а не прикрываться, когда удобно.

— Не забывайте об этом, — встаю и направляюсь в ванную.

— Нам сейчас завтрак принесут, — бросает мне в спину. В его голосе появляется хрипотца, от которой у меня мурашки, а он просто сказал о завтраке...

В уборной понимаю, что кудри у меня сегодня очень даже классные, смазываю их маслом и привожу себя в порядок. Смотрю на круги под глазами, это, видимо, отлёта. Клею себе прозрачные патчи и выхожу.

— Не пугайтесь! — говорю я Халиду. — Я не молодая женщина. Издержки.

А он всё равно смотрит на меня влюблённо. Так, что я чувствую это кожей. Наверное, не скажи я ему про патчи, он бы их даже и не заметил.

— Детка! Будете мне всю жизнь мстить теперь? — спрашивает он с улыбкой.

— Это разве месть? — Выгибаю бровь и сажусь за стол.

Он садится напротив и не отрывает от меня взгляда. Мне так хорошо с ним. Так комфортно. Так душевно. Понимаю, что каждая секунда с ним — кайф.

Довольная смотрю на подносы с завтраком и прикидываю, что мне сейчас хочется съесть.

— Это вам, — передаёт мне бумажный пакет Missoni Халид. Сразу догадываюсь, что там купальник.

— Откуда? — Удивляюсь.

— Для этого мне и нужен Абдулла, — улыбается он.

— Как вам удобно с ним. Спасибо! Избавили рыб от любования моими телесами. Разрешите мне поплавать и полюбоваться рифом? — Хитро спрашиваю.

— Если возьмёте меня с собой, разрешу.

— Вы, получается, прогуливаете свои занятия? — Принимаюсь за завтрак. — Улетели посреди недели.

— Нет, я практически полностью на онлайн-обучении, — объясняет Халид. — У меня особая программа. Я получу бакалавра уже в этом году.

— Два семестра за один сдаёте? — Удивляюсь.

— Да. Легко, детка! — Он улыбается.

— И что дальше? Магистратура?

— Да. Я не собираюсь пока покидать Лондон.

Я киваю.

— Это хорошо. Я визу делаю в Великобританию, — сообщаю ему как бы между делом.

— Зачем? — Прищуривается и облизывает свои полные губы.

— Это был план Б. Если бы я вас не нашла через друзей, то полетела бы в Лондон и караулила вас в Гайд-парке.

— Чер-р-р-рт, вазьми, — улыбается Халид. — Прррриятно!

— Так что я вас обязательно навещу, — усмехаюсь.

— Навестите? Нет, детка. Мы в конце следующей недели слетаем на концерт моего друга в Москву и вернёмся в Лондон вместе. Я вас больше одну не оставляю, — категорично заявляет Халид, и, честно говоря, спорить вообще не хочется.

— Концерт Фары был планом С, — победоносно улыбаюсь.

— Чёёёёрт, вазьми! — Довольно тянет Халид. — Мне нравится эта мудрая женщина!

Наш беззаботный завтрак прерывает телефон Халида, он извиняется и по фейстайму общается с кем-то на арабском. Я допиваю кофе, беру коробку с купальником и иду переодеваться в ванную.

Надеваю. Смотрю в зеркало. И понимаю, что Халид упадёт в обморок. В лучшем случае. В худшем придётся его срочно доставлять в кардио-центр где-нибудь в Эр-Рияде.

Купальник крошечный. Треугольники лифа едва прикрывают соски, а вся окружность представлена во всей красе. Даже видно следы от моего предыдущего загара, и это придаёт груди ещё больше соблазнительности. Бикини — две узких полоски ткани, которые оставляют попу почти полностью открытой.

Я смотрю на этикетку в коробке и понимаю, что это XXXS. Это на ребёнка лет десяти? Может, я и могу позволить себе XS иногда за счёт тонкой талии. Но купальник мне нужен хотя бы S.

Собираю волосы в пучок, наношу солнцезащитный крем на лицо, накидываю длинный льняной кафтан с летучими рукавами и бахромой по подолу. Затягиваю пояс и выхожу на террасу.

Халид лежит на огромной круглой лежанке и смотрит на море. Услышав шаги, оборачивается.

— Халид, — говорю я, не развязывая пояс. — Купальник мне катастрофически мал!

— Как? — не понимает он.

— Так. Он еле налез на меня!

— Ну, вы же маленькая, — удивляется он. — Я сказал Абдулле купить самый-самый маленький.

— Не маленькая я, — усмехаюсь. — У меня грудь с попой в него не помещаются! Я не могу в таком выйти за пределы виллы!

Он краснеет. Прямо заливается краской. Отводит взгляд, потом снова смотрит на меня.

— Тамара, — говорит Халид, в его голосе появляется серьёзная нота, и я сразу напрягаюсь. — А об этом я хотел с вами поговорить.

Ну начинается...

— О чём конкретно? — Ложусь к нему и начинаю гладить по груди, любясь его красивым бронзовым телом и надеясь смягчить его.

— О вашей любви к обнажению. Понимаете, лучше вообще никогда чрезмерно не оголяться.

— Если вы не заметили, я привезла сюда образцово-показательный гардероб, — начинаю закипать и изо всех сил сдерживаю себя. Ссориться точно сейчас не хочется.

— Разумеется, заметил и восхищен. Я о другом. О том, когда вы наедине со мной или даже с собой.

— Так, момент, — я приподнимаюсь на локте и заглядываю ему в янтарные глаза. — Я правильно понимаю, что вы хотите, чтобы я даже при вас ходила в абайях?

— Не в абайях, а не полностью обнажённой, — терпеливо разъясняет. — Я думаю, что то, в чём вы спали сегодня — предел допустимого.

— Это потому что мы не в браке? — Уточняю.

— Нет, в целом. Я же говорю, что даже наедине с собой вы не должны чрезмерно оголяться. Исключение — приём душа или ванной.

Он прикалывается?! Мне стоит титанических усилий сдерживать мимику и не свести всё к пассивной агрессии.

— Я могу задать вопрос интимного характера? — Деликатно интересуюсь.

— Разумеется, Тамара, — почтённо отвечает Халид.

— А во время близости я тоже не должна чрезмерно оголяться?

— Я бы был благодарен, если бы вы что-то на себе оставляли. К примеру то, в чём вы сегодня спали.

— А если я хочу переодеться при вас?

— В этом нет необходимости, — отрезает Халид.

Да что с ним не так? Он считает, что даже трахаться нужно в одежде???

Это же не из ислама. Я все эти моменты подробно изучила. Тогда откуда? Комплексы личные какие-то? Национальные обычаи?

Мало того, в исламе вообще запрещено усложнять религию и добавлять нововведения.

Очень странно, очень...

Но решаю пока не озвучивать своих мыслей. Спорить бесполезно. Скандалить тем более. Донесу ему позже истину, да так доходчиво, чтобы больше не смел выдумывать подобную пуританскую ересь.

— Нет проблем, Халид, — мурлыкаю я, принимая этот странный челлендж. Смотрю на бирюзовую бескрайнюю гладь и понимаю, что он своим возмутительным условием и запретом разжёт во мне такой азарт по его раскрепощению, что кажется, ничто теперь не сможет его погасить.

Он выдыхает. С таким облегчением, что мне смешно становится. Пусть думает, что победил.

— Правда? — его глаза загораются. Он явно не ожидал, что я так легко сдамся.

— Я тебе послушней с каждым днём, — цитирую я Ахматову ласковым голосом и улыбаюсь.

Он тянется ко мне, обхватывает лицо ладонями и целует. Медленно, тягуче, смакуя. Его тёплые, мягкие, влажные губы прижимаются к моим, и я отвечаю, чувствуя, как внутри разгорается огонь, который он старается потушить своей строгостью.

Его язык скользит по моей нижней губе, дразнит, заставляет приоткрыть рот. Я впускаю его, и он заполняет меня. Глубоко, жадно, так, что голова идёт кругом.

Я таю. Я плавлюсь. Мои пальцы сами собой зарываются в его волосы, тянут, прижимают его ближе. Он брутально стонет мне в губы, и этот стон — то, ради чего я готова на любые игры.

Запретный плод сладок. Его ограничение заводит меня до такой степени, что я чувствую, как крошечный купальник промокает в доли секунды. И дело совсем не в страстном поцелуе. Дело в психологии. Меня заводит эта охота.

Я прикусываю его нижнюю губу, оттягиваю, всасываю, а сама в голове уже разрабатываю целую стратегию по развращению строгого араба.

Он думает, что я приняла его рамки. А я получила самую увлекательную игру в своей жизни.

Глава 18

Я снова просыпаюсь в его объятиях. Солнце ещё только встаёт, нежно-лиловый свет начинает заливать спальню, и мне кажется, что я сейчас купаюсь в облаках. Я лежу на боку, Халид прижимается ко мне сзади, его рука властно лежит у меня на груди, даже во сне он собственник. А его член упирается мне в спину. Твёрдый, горячий, огромный. Я слушаю мерное дыхание Халида, чувствую стук его сердца, и мне сейчас невыносимо хочется, чтобы он просто вошёл в меня. Не спрашивая. Не думая. Просто взял.

Чтобы сквозь полудрёму, под это пробуждающееся солнце, нежно, медленно. И чтобы непременно шептал мне на ушко свои арабские заклинания, сводя меня окончательно с ума.

Я сжимаю зубы.

Потерпи, Тамара Гиоргиевна! Не отходим от плана...

А тело не слушается, бёдра сами начинают двигаться, кружиться, тереться об него, и я чувствую, как член становится ещё твёрже. Ещё горячее. Ещё ближе ко мне.

А вдруг он спросонья не сдержится? Вроде и не считается, спал же...

Но Халид резко и неожиданно выскакивает из тёплой постели, обрубая все мои коварные греховные мысли на корню. Его глаза широко распахнуты, дыхание сбито.

— Тамара! — голос хриплый, срывается. — Сегодня джума! Пятничная молитва! Мне надо привести себя в порядок! И Фаджр проспал!

Халид, как ошпаренный, вылетает из моей виллы со своим амбициозным и гордым сто-яком.

Я растерянно смотрю на захлопнувшуюся дверь, потом на пустую половину кровати и от отчаяния в потолок.

Перевозбуждение, несправедливость, желание некуда деть. Я лежу, пытаюсь успокоиться, пытаюсь дышать. Бесполезно.

— Твою ж мать, — яростно кричу на всю виллу.

Копание в телефоне не сбивает адское возбуждение, и с очередным возгласом негодования я покидаю постель и иду в ванную.

Включаю в душевой с пульта холодную воду и с выдохом вступаю под слишком бодрящие струи. Тело постепенно привыкает, и я, кажется, бесконечность отмокаю, однако это не помогает.

Надо переключиться.

Халид сейчас молится или уже вовсю наводит марафет к молитве, ведь каждая пятница для него как праздник, и я решаю не отставать.

Чуть больше внимания уделяю уходу за лицом и телом, увлажняю кутикулу, волосы и решаю позаниматься пилатесом.

Заглядываю в уже собранный чемодан и надеваю красный комбинезон для йоги с эффектом пуш ап и открытой спиной. Кручусь перед зеркалом и смотрю на себя каким-то новым взглядом. Более скромным, что ли, и одновременно шкодливым. Плотный спандекс обтягивает всё, не оставляя ни малейшего пространства для воображения. Удовлетворённо киваю своему отражению, наношу на открытые участки кожи масло с бронзером и выхожу на террасу.

Тщательно расстилаю отельный коврик и беру декоративные подушки под колени с солнечного солярия.

Солнце только поднимается, море тихое, ласковый ветер сдувает остатки сна. Я делаю несколько глубоких вдохов, разогреваюсь и приступаю к растяжке.

Наконец тело успокаивается, и занятия даруют мне долгожданный покой.

Сижу в позе голубя и вдруг слышу щелчок двери, сдерживаю смешок и меняю позу.

Встаю, поворачиваюсь задом к входу, ожидая Халида. Широко расставляю ноги и наклоняюсь, складываюсь пополам, упираюсь локтями в пол. Моя голова почти касается коврика, таз поднят высоко, спина вытянута. Из этого положения я смотрю на Халида — между своих ног, в перевёрнутом мире. Комбинезон натягивается до предела, облепляет меня, и я знаю, что он видит каждую линию, каждый изгиб.

— Доброе утро! Решила растянуться перед завтраком, — говорю я, смотря на него из-под своих ягодиц. — Надеюсь, я вас не смущаю?

Он молчит. Смотрит на мои ноги. На то, как ткань обтягивает бедра. На то, как я смотрю на него между своих ног. Замечаю, как его взгляд задерживается ровно на моей призывно выпирающей промежности, и ликую.

— Вы... — он сглатывает слюну, проводит рукой по лицу. — Нет, не смущаете.

— Хорошо, я скоро кончу, — улыбаюсь я. — Закончу, то есть.

Он краснеет и отводит от меня взгляд. Смотрит на море. На небо. Куда угодно, только не на меня. Не выдерживает и снова смотрит прямо туда. Снова отводит глаза.

Из этой позиции я разъезжаюсь на поперечный шпагат и начинаю приподнимать бёдра, демонстрируя ему ротацию своих тазобедренных суставов. Он садится на диван, залезает в телефон, но явно экран у него выключен, и он просто старательно изображает некую занятость.

Я ложусь на спину. Закидываю ноги за голову. Колени натянуты у самых ушей, спина прямая, шея длинная. Позиция плуга кричит громче любых слов. Максимальный призыв. Комбинезон натягивается ещё сильнее. Я чувствую, как он тянет там, где я хочу, чтобы он тянул и сама завожусь от этого.

В дверь стучат, и Халид вскакивает с места.

— Я... принесу завтрак, — говорит он.

— Принесите, — улыбаюсь.

Я медленно выпрямляюсь. Переворачиваюсь на живот. Встаю на четвереньки, колени развожу, локти прямые, и начинаю плавно делать волну. Округляю спину и прогибаюсь, медленно, грациозно, так, чтобы он видел каждое движение.

Я слышу, как Халид открывает дверь и не впускает официанта внутрь, что-то говорит ему отрывисто и грубо. Не нужно знать языка, по интонации всё ясно. Дверь захлопывается, и Халид, спотыкаясь, возвращается с двумя подносами. Явно он не приучен к сервировке и вот-вот навернётся. Кое-как ставит подносы на стол, садится и снова впивается в меня взглядом.

Оставляю кошку-корову, принимаю позу лягушки и начинаю покачивать и вращать бёдрами, опираясь на подушки.

Халид смотрит на меня не отрываясь, вижу, как вздымается его грудь, и готова поспорить, его дубина уже отключила его разум полностью.

— Что вы делаете, Тамара? — спрашивает охрипшим голосом.

— Гоняю лимфу перед полётом, — как ни в чём не бывало отвечаю и продолжаю вращать бёдрами.

Ну всё, пора.

Выпрямляюсь. Встаю. Поднимаю одну ногу вверх, потом другую, тяну носок. Вертикальный шпагат. Моё тело сейчас идеальная линия, комбинезон обтягивает всё, и я знаю, как это убийственно выглядит.

— Поможете? — прошу я, снова выглядываю из-под бёдер. — Потяните правую ногу мне чуть-чуть, пожалуйста.

Глава 19

Халид осушает стакан с водой до дна и подходит ко мне. Смотрит на мою ногу, явно смотрит на мою вагину, потому что она гореть начинает, и наконец берёт меня за щиколотку и боязливо увеличивает угол растяжения. Его пальцы дрожат. Я чувствую это.

— Да-да, так хорошо, — говорю я на выдохе, еле сдерживая смех. Звучу как дешёвая порно-актрисулька. — Ещё чуть-чуть. Да-а-а...

Он тянет сильнее, я выгибаюсь, чувствую, как его пальцы сжимаются.

— Так?

— Идеально. Да-а-а.

Он резко отпускает меня, что я чуть не теряю равновесие и не растягиваюсь на коврике. Но вовремя нахожу баланс. Он отшатывается от меня и в который раз уже проводит рукой по лицу.

Я осторожно выхожу из позиции и ложусь на коврик. Встаю в ягодичный мостик и начинаю делать волны, параллельно сжимая мышцы тазового дна. Медленно, ритмично.

Он замирает, отмирает, зачем-то идёт к солярию, потом, видимо, приходит в себя и возвращается за стол.

Контроль над своим взглядом Халид окончательно утратил. Его вилка застывает в воздухе, демонстрируя во всей красе его смятение.

— Вы в порядке? — уточняю я. — Вы какой-то рассеянный сегодня, Халид. Что-то случилось?

— Нет, — выдыхает он. — Всё в порядке. Тамара, у нас гидросамолёт скоро.

— Да-да! Я же сказала, что кончаю уже, — деловито сообщаю, опускаю ноги и притягиваю колени к груди. Двадцать секунд выкидываю поочередно ноги и наконец встаю.

Скручиваю коврик и сажусь напротив него, наливаю себе кофе, беру дольку манго. Откусываю, слизываю сок с губ.

— Мы же сейчас в Джидду вылетаем? — Невзначай спрашиваю, будто больше не замечая его состояния.

— Да, детка, — отвечает моим любимым голосом с хрипотцой.

— А что в Джидде интересного? — спрашиваю я, глядя на него.

Он смотрит на меня. Долго. Очень долго. Потом переводит дыхание и начинает рассказывать. Голос ровный, но я чувствую, что все его мысли о коврике и моём комбинезоне. Да и его вилка так и не опустилась.

Я ем сыр с питой и делаю вид, что ничего не замечаю, пока он приходит в себя.

— Джидда, — наконец отмирает, и я чувствую, что он рад отвлечься, — Джидда один из моих любимых городов.

— Да? Почему?

Он оживает. Начинает рассказывать, и я смотрю на него, слушаю и понимаю, что он обожает говорить о своей земле. Это его история, его гордость.

— Джидду называют «русалкой Красного моря» и «воротами в Мекку», — говорит Халид. — Это второй по величине город Саудовской Аравии, в нём проживает больше трёх с половиной миллионов человек. Экономическая столица.

— А почему «русалка»? — интересуюсь я.

— Потому что она выросла из моря, — улыбается он. — Её основали рыбаки в шестом веке до нашей эры. А потом, через тысячу лет, она стала главным портом для паломников, которые плывут в Мекку. С тех пор так и осталась. Ворота в священный город.

Я киваю. Он продолжает:

— Даунтаун Эль-Балад — старый город, достояние ЮНЕСКО. Представляете, там дома из коралла. Коралл — непрочный материал, некоторые здания разрушаются, но они всё равно стоят. Им больше тысячи лет.

— Коралловые дома, — тяну я. — Даже не представляю... Как в сказке какой-то.

— Джидда и есть сказка, — говорит Халид. — Там есть всё. И древность, и современность. И строгие правила, и свобода. Это самый либеральный город королевства. На пляжах танцуют, нет особой строгости. Там чувствуется дыхание мира, моря, паломников, торговцев. Она сочетает в себе всё. История и будущее.

Когда из виллы выносят мои чемоданы и мы садимся в гольф-кар, я совершенно не жалею, что мы покидаем этот невероятный курорт спустя полутора суток. Халид сказал, что мы обязательно вернёмся, да и мне не терпится скорее оказаться в пустыне. Я уверена, что сегодняшняя ночь будет незабываемой.

Мы летим на гидросамолёте в аэропорт Красного моря и пересаживаемся в его джет.

У Халида, судя по всему, накопились дела, и он говорит с Абдуллой почти весь полёт, обсуждает что-то важное, и лишь изредка бросает на меня взгляды. Я устраиваюсь в кресле, открываю планшет и начинаю читать «Тысячу и одну ночь». Шахерезада рассказывает сказки, чтобы выжить, а я читаю их, чтобы понять, в какую сказку попала сама.

Халид смотрит на меня, отвлекается от разговора.

— Что смешного? — спрашивает он.

— Не думала, что практически все сказки будут о бесстыжих развратниках, — веду бровью и усмехаюсь.

Он качает головой, но улыбается. Возвращается к разговору.

Перед посадкой Халид уходит в другой отсек и возвращается в новой кандуре. Белоснежной, с золотой расшивкой по вороту и манжетам. Торжественной. Смотрит на меня, проверяя, смотрю ли я. Смешной. Я, разумеется, смотрю. И смотрю с восхищением. Ему идут эти одеяния, как ничто другое.

Мы приземляемся, и нас везут в Джидду.

Халид прав, это история и будущее. Набережная напоминает мне крупные латиноамериканские города. Пальмы, широкий променад, атмосфера праздника.

Встречаются небоскрёбы и довольно современные мечети.

Но когда нас высаживают в старинной части, я понимаю, что наконец-то вижу настоящий аутентичный арабский город. Живой, древний. И он не разочаровывает. Узкие улочки, дома из коралла, которые помнят паломников со всего мира, ветер с Красного моря, запах специй, суета, крики, шёпот. Всё как в сказках, которые я только что читала.

Халид ведёт меня в кафе у мечети Аль-Миммар. Усаживает за столик и заказывает мне кофе с кнафе.

— Я отлучусь на полчаса на молитву, — говорит уже в десятый раз, будто у меня деменция. — Никуда не отлучайтесь, Тамара. Дождитесь меня здесь. Потом погуляем по городу.

— Халид, я не сдвинулась с места, — улыбаюсь, ковыряя десерт с фисташками.

Я остаюсь одна и наслаждаюсь погружением в сердце города. Пью кофе, смотрю на площадь перед мечетью и замечаю картину из своего сна.

Отцы в белоснежных кандурах и с клубничными платками на головах ведут своих сыновей на пятничную молитву. Мальчишки точные копии своих отцов, в абсолютно идентичных одеяниях, только маленькие, пухлые, смешные и без чёрных бородок. Их длинные платья волочатся по земле, они спотыкаются, смеются, тянут отцов за руки. Те терпеливо поправляют им одежды, что-то говорят, и мальчишки на секунду становятся серьёзными, чтобы через миг снова рассмеяться.

Я улыбаюсь. Замечаю, что местные мужчины очень тактильные. Те, что несут мальчишек на руках, постоянно их целуют. То щёчки, то пальчики. Сюсюкают их, трутся носами. Что-то ласково говорят и постоянно улыбаются.

У нас мужчины так нежно не относятся к мальчикам, и меня это удивляет и умиляет.

Улыбаюсь проходящему мимо мальчишке, потом вспоминаю рассказы Халида о его ранней половой зрелости и на всякий случай отвожу взгляд. Вдруг этот ребёнок подумает, что я с ним флиртую...

Кто разберёт этих загадочных арабов?!

И тут я вздрагиваю. Начинается азан.

Голос разносится над городом, над древними домами, над Красным морем. Он заполняет всё, и я не могу дышать. Мурашки бегут по спине, по рукам, по лицу. Через минуту я слышу его с другой стороны, и постепенно весь город погружается в призыв. Я замираю, слушаю, и слёзы наворачиваются на глаза. Это что-то запредельное. Не объяснить словами.

Я не могу в этот момент пить, есть, я только замороженно слушаю и жалею, что Халид ушёл и не может мне перевести значение.

Мимо меня проходит официант, и я быстро расплачиваюсь за кофе, встаю и подхожу ближе к мечети.

Замечаю, как женщины заходят в отдельный вход. Я с интересом слежу за ними. Кто-то в чёрных абаях, кто-то в светлых, кто-то с открытым лицом, кто-то скрывает его. Они ступают внутрь, и я вижу, как меняются их лица. Становятся светлее. Тише.

Азан затихает. Голос умолкает, но вибрация остаётся в воздухе, в камнях, во мне.

Я стою на площади у входа, смотрю на дверь, в которую зашли женщины, слушаю тишину, которая наступила после призыва, и чувствую небывалое умиротворение. Надо бы вернуться в кафе, как я обещала Халиду, но увы, я переменчива, как ветры Аравийской пустыни.

Глава 20

Выхожу из серебряной лавки, прижимая к груди маленький шуршащий пакет. Теперь главное выбрать момент. Идеальный. Когда он не будет ждать, когда совсем не будет готов.

Улыбаюсь своим мыслям. Чувствую себя так, будто у меня выросли крылья. Солнце светит ярче, ветер дует ласковее, город говорит со мной на языке, который я будто начинаю понимать. Я наполнена. Я счастлива. Я осознанная и просто очень-очень счастлива.

Удивительно, как я легко ориентируюсь в этом древнем и незнакомом для себя городе, но возвращаюсь к кафе с лёгкостью. Поворачиваю на площадь и вижу его. Халид мечется, как зверь, потерявший детёныша. Его бросает туда-сюда, туда-сюда. Он не выпускает телефона из рук и что-то яростно кричит в динамик.

Рвёт и мечет. Смотрит по сторонам, кого-то ищет, что-то кричит прохожим, те разводят руками.

Этот кто-то, полагаю, я, и как только между нами остаётся метров двадцать, он оборачивается, как по мановению волшебной палочки.

Видит меня и скидывает звонок.

— ТАМАР-Р-Р-А! — орёт на весь старый город. — ДЕТКА! АЛХАМДУЛИЛЛАХ!

И бежит ко мне сквозь толпу.

Хватает меня, прижимает к себе так, что пакет хрустит между нами. Целует в волосы, в лоб, снова в волосы.

— Думал, вас украли! — выдыхает он. — Уже всех на уши поднял! Абдулла ищет, я ищу! Полиция ищет!

Я смеюсь, уткнувшись ему в грудь. Счастливая, довольная и не терпящая скорее осуществить свой план.

— Да кто меня украдёт, Халид? — Смеюсь в его объятиях. Мне начинает нравиться его гипертрофированная паника.

— Как кто? — Он отстраняется, смотрит на меня с ужасом. — Мужчина любой!

— Зачем? — улыбаюсь.

— Чтобы вынудить вас стать его женой! — выдаёт он таким тоном, будто это всем очевидно.

Я закатываю глаза и цокаю языком.

— Ну кому я нужна? Я немолодая женщина. Вряд ли.

— ТАМАР-Р-Р-А! — он снова переходит на рык. — ЧЁРТ ВАЗЬМИ! Да вы невероятно красивая женщина! Самая красивая на свете! Любой украдёт!

Я смотрю на него. На его красное лицо, на взмокший лоб и испарину над верхней губой, хотя здесь довольно сухой климат, на эту безумную смесь облегчения и гнева в глазах и понимаю, что люблю любое его состояние. Люблю, когда он безумствует и показывает всё своё благорассудие. Люблю, когда несёт глупости и когда выдаёт мудрость. Каждое состояние. Каждое.

— Тут что, правда девушек воруют? — уточняю я.

— Безродных могут, — он пожимает плечами, немного успокаиваясь. — Их же искать не будут.

Я толкаю его в грудь.

— Я безродная? Да мой папа тут каждому ноги за меня оторвёт, Халид!

Он открывает рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент из ниоткуда появляется Абдулла. Подходит вплотную, что-то строго шепчет Халиду на ухо.

Халид кивает. Проводит рукой по лицу.

— Чёрт, — говорит он. — Мы слишком откровенно себя ведём. Я забылся и поцеловал вас на публике! Обнял! Пойдёмте!

— Да, действительно, — киваю я и удивляюсь, как у меня это вылетело из головы. Мы отходим друг от друга на полметра, а Абдулла растворяется в толпе так же незаметно, как и появился.

— Где вы были? — спрашивает Халид, когда мы сворачиваем в узкий переулок.

— В серебряной лавке, — показываю ему пакет.

— Аиййй! — он всплескивает руками. — Женщина! Зачем тебе серебряная лавка? Ты должна носить золото!

— Не удержалась, — пожимаю плечами и загадочно улыбаюсь, — купила подарок.

— Кому? — он замирает.

— Вам!

— Мне? — его голос становится тише, а глаза полны детского непосредственного любопытства. — Правда? Что там? Покажите!

— В другой раз, — перекладываю пакет из правой в левую руку.

— В смысле — в другой раз? — он смотрит на меня так, будто я сказала что-то невысказанное. — Тамара, кто так делает?

— Я так делаю, — улыбаюсь я и прибавляю шаг. Местные ходят в пять раз медленнее москвичей, и меня уже порядком утомил местный темп.

Халид моментально меня нагоняет и смотрит. Сначала непонимающе. Потом с восхищением. Потом с той самой смесью отчаяния и обожания, которая делает его совсем моим.

— Вы меня с ума сведёте, женщина, — выдыхает он.

— Да вы давно не в себе, — смеюсь. — Сколько у нас времени на Джидду?

— Три часа, — он смотрит на меня, и в его глазах появляется что-то новое. — Иначе не успеем на особенный час в Аль Ула.

— А далеко нам лететь?

— Чуть больше часа, и там придётся покатайся. Но оно того стоит.

— В противоположную от Шебары сторону? — уточняю я, пытаюсь представить, куда нам предстоит полететь.

— Нет, совсем нет. Как раз от аэропорта Красного моря вглубь страны. Там совсем недалеко.

— А зачем же мы летели сюда?

— На то воля Аллаха, детка, — озорно улыбается Халид, совсем как мальчишка, и я понимаю, что сейчас он как никогда прав.

Мы идём по городу, и с каждым шагом я влюбляюсь в Джидду всё больше. Узкие улочки, ветер с моря, запах специй, а главное энергетика.

Джидда живёт своей жизнью уже тысячи лет и явно не собирается отходить от своего курса. Однако она не лишена новшеств и принимает всё для себя подходящее. Я понимаю, почему Халид её любит. Без вопросов.

Здесь кричат торговцы, смеются дети, женщины, словно тени, тихо шепчутся и плывут по городу в своих развевающихся одеяниях. Мужчины встречаются, обнимаются, а потом трутся носами друг с другом. Я останавливаюсь как вкопанная, когда вижу это впервые так близко. Я наблюдала это странное действие где-то краем глаза, но больше я не могу в себе это держать, меня прорывает.

— Они что, трутся носами? — я хватаю Халида за рукав. — Вы тоже так делаете?

Он смотрит на меня и двум старикам вслед, которые только что исполнили этот номер, и улыбается.

— С друзьями, да. Конечно.

— И с Фарой? — Выпучиваю на него глаза и кричу на всю улицу, привлекая к себе внимание. Сразу же становлюсь тише. — И с Тотойшкой?

Халид заливается смехом. Заливисто, по-мальчишески, запрокинув голову.

— Оййййй! Представил их лица! — вытирает слёзы. — С ними нет, Тамара! Скажете же! Как вам это в голову вообще пришло?

— Сами сказали, что с друзьями, — смеюсь. — Других я не знаю.

Мы смеёмся и никак не можем успокоиться, а город тем временем очаровывает меня всё больше.

Настоящее эстетическое удовольствие мне дарят высокие двойные двери в домах. Они резные, с замысловатыми узорами, каждая как произведение искусства. Я постоянно зависаю, рассматривая детали. Потрясающе!

А какие стилизованные, а возможно и старинные здесь фонари, которые свисают с домов! Сказка! Любуюсь кружевными балконами на домах, и отмечаю, как мне нравится сочетание песочного камня и тёмного дерева. Город обшарпан, местами разрушен, но он живой. Настоящий. Самобытный. Он дышит, и я вдыхаю его полной грудью.

Волей-неволей начинаю представлять себе наш с Халидом дом. Я бы непременно хотела его в арабском стиле. С мавританскими арками, с резными ставнями, с внутренним двориком, где журчит фонтан. С подобными высокими дверями и балконами. Чтобы он был прошлым и будущим. Современный и одновременно традиционный. Так ярко представляю, что уже даже мебель начинаю подбирать.

Халид приводит меня на базар Алави. И у меня разбегаются глаза.

— Специи! — выдыхаю я. — Сначала специи!

Он тащит меня к прилавку, где горы шафрана, кардамона, сумаха и каких-то незнакомых порошков, пахнущих так, что голова кружится. Я нюхаю всё, беру самое интересное и бросаюсь к следующему прилавку, пока продавец складывает покупки. Халид протягивает ему деньги, но перед этим начинает торговаться.

Я смотрю на него с ужасом. Не-на-ви-жу!

Он богатый человек! У него джет и бриллиантовые часы Jacob&CO, Абдулла, который покупает купальник и доставляет его частным бортом. А он торгуется. За каждую монету.

Для меня это настоящее расстройство!

В итоге он счастливо сообщает:

— Скинул цену втрое!

— Халид! — возмущаюсь я, отводя его в сторону. — Ну вы издеваетесь? Вам не стыдно? Вы бы не обеднели, а человеку семью кормить! Надо было дать ему в десять раз больше!

— Я и дал, — счастливо улыбается он. — В сто.

— А зачем торговались? — Недоумеваю.

— Это этикет, Тамара! — он смотрит на меня так, будто я спросила, зачем дышать. — Это целый процесс! В этом весь кайф! Вы научитесь!

Я качаю головой, но улыбаюсь. Алхамдулиллах, не жмот!

Мы идём дальше. Ткани. Шёлк, парча, хлопок, муслин, крепдешин, газ. Мне кажется, я попала в сказку. Отрезы развеваются на ветру и создают абсолютно волшебную атмосферу. У меня в голове играет саундтрек из «Алладина» и я набираю себе бесчисленное количество абай. Потом мне встречаются лампы, и я решаю взять их на подарки. Затем погружаюсь в мир арабских благовоний, пока голова не начинает гудеть. Мы уже покидаем базар, как вдруг я замираю.

Маски. Для лица. Бурки, как их называет Халид. С монетками. С камнями. Тяжёлые, звенящие, золотые, серебряные, и я представляю, как буду в них для него танцевать.

— Это магия! — выдыхаю я. — Я бы их носила просто так! Даже в Москве! Вот это стиль!

Халид улыбается.

— Это для праздников. Устаревшая традиция. А с монетками только танцовщицы используют.

— Мне надо всё! — говорю я, и он кивает продавцу.

Пока продавец уносится в дальний конец лавки, Халид прижимается ко мне вплотную, впечатывая в прилавок. Я чувствую его эрекцию, но он даже не скрывает. Наоборот, демонстрирует.

— Чёрт возьми, женщина, — горячо шепчет мне на ухо. — Я представил вас в такой. Я резко разворачиваюсь.

— Халид! Вы что, трётесь об меня? Что за непростительное поведение? — Строго отчитываю его.

— Утром вы не были против, Тамара, — он отходит на шаг. Улыбается.

— Это было во времена моей джахилии, — смотрю на него с вызовом.

— В смысле — джахилии? — он не понимает.

— До того, как я приняла ислам, — поясню я. — Теперь ваше поведение неуместно.

Он замирает. Смотрит на меня так, будто я всадила ему нож.

— Что вы сделали? — Спрашивает осипшим голосом.

— Ислам приняла.

— Тамара, зачем вы так шутите? — Отводит взгляд в сторону, задет.

— Я не шучу. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Во время джумы зашла в мечеть и среди сестёр прочла шахаду.

Он смотрит на меня. Открывает рот. Закрывает. Снова открывает.

— А... а... а почему... э...м... А почему не сказали? — Наконец выдаёт что-то членораздельное.

— Сейчас говорю, — возвращаюсь к маскам и рассматриваю вариант с бирюзой, прикидывая, пойдёт ли она под цвет моих глаз. — И вообще это моё личное дело. Я не обязана отчитываться.

Поворачиваю голову. Он в прострации. Стоит, смотрит на меня, не моргает. Будто его оглушили.

Я улыбаюсь. Пора.

Достаю из пакета серебряный браслет. Жёсткий, тяжёлый, похожий на Cartier Love, но с выгравированной арабской вязью: *وَلِلْآخِرَةِ خَيْرٌ لِّكَ مِنَ الْأُولَىٰ*

«И знай, что каждый будущий момент для тебя счастливее, чем предыдущий».

— Халид, — говорю я, протягивая ему браслет и смотря в глаза, — Вы станете моим мужем?

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.